НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК
Диана
УДОВИЧЕНКО
МЕЧ РОНИНА

Диана Д. Удовиченко

Меч Ронина

Серия «Междумирье», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9361202
Удовиченко, Диана. Меч Ронина : [фантастический роман]: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-77530-9

Аннотация

Не связывайся с теми, кто увлекается мистикой и колдовством, – рискуешь заблудиться во времени и пространстве. Охота за опасным преступником внезапно занесла офицера ФСБ Данила Платонова в средневековую Японию. Здесь без конца воюют кланы самураев, летают огнедышащие драконы, бродят сумасшедшие призраки, да еще и демоны на каждом шагу норовят сожрать! Платонову придется тяжело… Но зато тут есть изящные страстные гейши и соблазнительные девушки-лисы кицунэ. Война, магия и секс по-японски – это опасно и экзотично. Зато скучать не придется!

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Сенкевич 7
Дан 10
Настя 15
Глава 2 18
Сенкевич 18
Дан 23
Настя 29
Глава 3 32
Сенкевич 32
Дан 35
Настя 38
Глава 4 41
Сенкевич 41
Дан 45
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Диана Удовиченко
Меч Ронина

© Удовиченко Д., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

Ворон-скиталец, взгляни!
Где гнездо твое старое?
Всюду сливы в цвету.
Басё

Пахло сухой травой, пылью и какой-то едой. Во рту явственно ощущался привкус рыбы. Дан очнулся, вздрогнул и огляделся. Маленькая хижина без окон, с земляным полом, никакой мебели, только циновка на полу. На ней он и сидел. Рядом стояла деревянная тарелка с шариками из риса. Дан знал, что внутри них – кусочки рыбы. Суши.

– Ты слишком задумчив сегодня, Акира, – раздался вдруг резкий голос.

Людей, кроме самого Дана, в хижине не было. В углу сидел крупный ворон, склонив голову, посматривал строгим блестящим глазом. Поймав взгляд Дана, птица медленно и важно зашагала к нему. Подошла, вскочила на колено, прогулялась туда-сюда, заглянула в тарелку, схватила один шарик, проглотила. Потом спросила:

– Почему ты не ешь, Акира? Тебе нужны силы. Хватит горевать, это недостойно самурая.

Как бывало и в прошлые разы, память возвращалась не сразу. Но постепенно Дан вспоминал. Он, капитан ФСБ Данила Платонов (хотя бы в этом Дан не сомневался), участвовал в захвате офиса крупного бизнесмена и столь же матерого преступника, Вадима Сенкевича. Настя, девушка Дана, тоже была там, работала под прикрытием и, конечно же, не покинула место операции. Дан загнал дельца в угол, и тогда произошло что-то странное. Вспоминалось огромное чернильное пятно, затянувшее и преступного бизнесмена, и их с Настей.

Потом оказалось, что этот клоун создал пространственно-временной портал, который выкинул их в Равенсбурге XV века – ушел от преследования, называется. Мало того, эта мистическая дыра перенесла их сознания в другие тела. Там были инквизиторы, ведьмы, демоны, вервольфы, костры, невинно убиенные девы, чокнутые монахи, людоеды, монстры, призраки, загадочные храмы, толпы фанатиков и Вельзевул – апофеоз всего безумия – полный набор из фэнтези-романа. Дан, Настя и Сенкевич чудом избежали гибели.

Потом чертов олигарх снова построил портал, клятвенно обещая вернуть их домой, в родной XXI век. Но то ли промахнулся, то ли нарочно так подстроил – они оказались в 2300 году. На этот раз Дан попал в тело капитана космического пиратского корабля, Айрона Блада по кличке Акула, Настя – в тело охотницы за головами Жасмин Ламер, а Сенкевич заделался для разнообразия хорошим парнем, адмиралом звездной эскадры Гарри Грантом. Будущее оказалось не сахарным – преследования, погони, космические бои, невыполнимая миссия на опасной планете Гамма-32, заражение космическим паразитом. Когда казалось, спасения уже нет, им все же удалось вывернуться. Но зато они лишились надежды вернуться домой: у Сенкевича не было времени сделать расчеты для построения портала.

Дан обалдело изучал говорящего ворона. Однако еще больше, чем разумная птица, его поразила нынешняя реальность. Акира… Теперь он японец?! И Сенкевича не обвинишь, давний враг сразу предупредил: неизвестно, куда вынесет портал.

Дан скосил глаза: на нем была простая серая рубаха, перехваченная поясом, широкие штаны из той же ткани. Он глубокомысленно пошевелил пальцами босых ног. Никакого тебе самурайского доспеха. Зато на циновке лежали катана, вакидзаси и потертый кожаный мешок. У входа стояли деревянные сандалии.

– Ну же, Акира! – проговорил ворон и больно клюнул его в колено. – Ты собираешься мстить за смерть своего господина? Собираешься уничтожить предателя? А Кумико? Будешь

сидеть тут и дрожать, подобно хризантеме на ветру, дожидаясь, когда ее невинность продадут какому-нибудь престарелому чиновнику?

Кумико… Вспомнились печальные глаза, покорная полуулыбка, скользкий шелк кимоно, нежные, как лепесток цветка, тонкие пальцы… Почему он уверен, что речь идет о Насте?

Ворон, словно перехватив эти мысли, надолго задумался.

– Да, в тебя вселился дух, Акира! – проницательно сообщил он наконец. – Что ж, возможно, это даже к лучшему. В тебе дух, во мне дух, вчетвером что-нибудь придумаем.

Поспешно дожевав суши и запив их водой из маленькой чашечки, Дан поднялся, подхватил мечи, мешок и пошел к выходу.

Вчерашний уважаемый самурай из богатого клана, свирепый воин, верный соратник господина Тоетоми и счастливый влюбленный, а сегодня – потерявший все нищий ронин Сайто Акира[1] отправился навстречу новой судьбе. И ворон тэнгу взлетел на его плечо.

[1] Здесь и далее, по японскому обычаю, фамилия ставится впереди имени.

Глава 1

Всегда видеть тебя,
Всегда ловить твои взгляды…
Ах, вот если бы ты,
Став зеркалом этим,
Ждал по утрам моего пробужденья!
Идзуми Сикибу

Сенкевич

Перед глазами было что-то серое, слегка поблескивающее. Прошло несколько секунд, прежде чем Сенкевич понял: он разглядывает полы собственного одеяния из серого шелка.

Он сидел в неудобной позе, подогнув под себя ноги – фактически стоял на коленях, низко склонив голову. Покосившись по сторонам в попытке понять, что происходит и куда он попал, Сенкевич увидел множество людей, находившихся в такой же позиции. Это были желтолицые узкоглазые мужчины разных возрастов, наряженные так же, как он. Лбы у всех были выбриты, на макушках красовались пучки черных волос.

«Средневековая Япония, мать твою, – тоскливо понял Сенкевич. – Занесла нелегкая…» Но тут же с облегчением подумал, что могло выйти и хуже. Судя по всему, он попал в тело самурая, к тому же знатного и богатого – вряд ли рядового вояку пригласили бы к такой значительной персоне, каковой, несомненно, являлся человек, восседавший на возвышении перед коленопреклоненной публикой. Поднимать голову Сенкевич не решился – видимо, здесь это не полагалось, поэтому мог видеть лишь прикрытые черным шелком ляжки важного господина. «Кстати, – задумался он, – а что это за мужик? Император?..»

Сегун[2], подсказала проснувшаяся память. Токугава Иэясу. Сегодня двадцать восьмое апреля тысяча шестьсот шестнадцатого года[3], официальный прием в замке Эдо, резиденции Иэясу. Он, Сенкевич, попал в тело богатого самурая, дайме[4] Маэда Тосицунэ, верного вассала клана Токугава. Сейчас ему сорок три года, возраст для этой эпохи солидный. Недавно он прибыл в Эдо для прохождения годовой службы при замке сегуна.

Сенкевич прислушался к себе. Самурай, воин должен быть сильной личностью. Просто так его не одолеешь. Он мысленно заговорил с «объектом», подождал, но ответа не получил.

«Неужели повезло и личность просто испарилась, как было с Фридрихом Бергом?» – изумился Сенкевич.

Рано радовался: Тосицунэ никак не отреагировал на вселение чужака в его тело, зато Сенкевич стал счастливым обладателем его мыслей и чувств. Их разумы словно слились, и трудно было определить, где заканчивается сознание самурая и начинается сознание Сенкевича. Тосицунэ безмолвно захватывал чужую личность и подчинял себе.

Сейчас бы самое время подумать о происходящем, но мысли путались, сбивались, становились все более отрывистыми.

---

[2] Сегун – верховный военачальник. С 1192 по 1868 год верховная власть в Японии принадлежала сегунам.

[3] Для удобства читателей, здесь и далее японская система летоисчисления заменена на Григорианскую. 1616 год в Японии назывался бы вторым годом Гэнна.

[4] Дайме – крупнейшие военные феодалы средневековой Японии, удельные князья.

«Кстати, о японцах: откуда в портале появилась паскудная физиономия господина Камацу?.. Самурай без войны – все равно что катана без клинка. Будет ли еще в моей жизни такая славная битва, как при замке Осака?.. В прошлый раз в портале было другое лицо, что бы это значило? Управляющий докладывал, что рисовый оброк в поместье не добрали… но зачем господину заботиться о таких мелочах… Достал чертов япошка, пошел вон из моей головы!.. Сегодня Харуми исполнилось бы семнадцать лет. Два года прошло с тех пор, как ее нет…»

Ощутив в душе укол боли, Сенкевич прислушался к мыслям самурая. Кто такая Харуми? Дочь, тут же понял он. Любимый ребенок, радость сердца и глаз. Родившаяся в месяц, когда осыпалось цветение сакуры, и сама нежная, как лепесток. И имя ей дали в честь весенней красоты[5]. Она пропала два года назад, ночью исчезла бесследно из замка Эдо, куда приехала, чтобы стать фрейлиной. Тогда, по приказу Токугава Иэясу, самураи со слугами обшарили весь замок, перевернули окрестные поместья, обыскали дома простолюдинов. Тщетно: Харуми сгинула, словно ее унесли призраки.

Несмотря на путаницу мыслей, Сенкевич от всей души посочувствовал самураю: он знал, что такое потеря близкого человека[6]. Однако решил изолироваться от Тосицунэ, так было недолго и с ума сойти. Пользуясь тем, что сидел с опущенной головой, он прикрыл глаза, представил свое сознание в виде сгустка света и стал мысленно сооружать вокруг него непроницаемый кокон, отсекая личность самурая. Рядом что-то выкрикивали брутальными хрипловатыми голосами, но он не обращал на это внимания.

Сенкевич не заметил, сколько прошло времени, но медитация помогла: мысли Тосицунэ перестали мешать. Только вот оказалось, что он переусердствовал и отсек память объекта вместе со всем жизненным опытом. Так не годилось: если в европейском Средневековье Сенкевич ориентировался вполне прилично – готовился, изучал историю, собираясь в благословенную и, похоже, недосягаемую Флоренцию 1428 года, то Япония XVII века явилась для него сплошным белым пятном. Пришлось вытягивать к памяти тонкие нити света. И как выяснилось, он сделал это очень вовремя. В зале воцарилась тишина. Сенкевич осторожно огляделся: самураи по-прежнему сидели, склонив головы, но почему-то казалось, что внимание всех приковано к нему, Маэда Тосицунэ.

– Дары для сегуна! – гаркнул он, не задумываясь.

Подошло время подношений господину от вассалов, и очередь добралась до Тосицунэ. Сенкевич порадовался, что вовремя включил память самурая – иначе конфуз мог стоить ему головы.

Откуда-то сзади выполз на коленях человек в простом кимоно из дешевой ткани («кособэ, – поправил сам себя Сенкевич. – Правильно это называется кособэ»). Слуга медленно, но упорно продвигался вперед, держа на вытянутых руках шелковый сверток, при этом умудряясь не поднимать головы. «Как ловко у него получается!» – изумился Сенкевич.

На полпути ползуна перехватил коленопреклоненный секретарь сегуна, взял подношение, и оба тем же манером отправились в разные стороны. «Интересно, – подумал Сенкевич, – а самураи тоже так пресмыкаются перед господином?» И тут же получил ответ: «Да, тоже». Это никак не монтировалось с образом суровых вояк, сложившимся из фильмов и книг. Здешние обычаи были Сенкевичу настолько несимпатичны, что он сразу принялся мечтать о построении портала.

Только вот для начала найти бы Платонова с его девицей. Интересно, в чьи тела они попали? Он от души пожелал, чтобы осточертевший капитан оказался кем-нибудь вроде крестьянина. Сенкевич имел весьма смутное представление о земледельцах Японии, но ему

[5] Харуми – весенняя красота.

[6] С историей жизни Сенкевича можно ознакомиться, прочтя первую книгу цикла, «Клинок инквизиции».

упорно представлялись болотистые рисовые поля, на которых, по колено в воде, бродят тощие, изможденные люди.

В итоге Сенкевич сделал вывод, что, учитывая прошлые события, то есть события будущего, в котором они трое побывали, все обошлось еще относительно прилично. Он тогда понятия не имел, куда может выкинуть портал из корабля Предтеч. Хорошо хоть в каменный век не ухнули.

Прием подходил к концу. Дары были вручены, и слуги унесли сегуна вместе с паланкином, в котором он восседал. Самураи осторожно вставали, разминали затекшие ноги и по одному шагали к выходу, где их ждали помощники, державшие мечи, – оружие, идя к сегуну, было принято оставлять за порогом, так же как деревянные сандалии гэта.

Сенкевич принял из рук молодого паренька мечи, отработанным до автоматизма движением сунул их в ножны и подумал, что неплохо бы разобраться с деталями своего костюма – пригодится. Итак, сверху на нем парадная черная куртка хаори, украшенная монами – родовыми знаками клана. Внутри у нее – узорчатый, покрытый вышивкой шелк. Самураю надлежит иметь строгий вид, но даже вояки не чужды тщеславия, вот и выпендриваются друг перед другом, соревнуясь в радужности подкладки. Под курткой – кособэ, запахивающееся наподобие халата одеяние из серого шелка. Дальше хакама. Сенкевич опустил глаза. Ну и штанищи! Широченные, они чем-то напоминали украинские шаровары, хоть гопака пляши. Только вот мешали два меча на поясе, слева: длинный – катана и укороченный – вакидзаси. Им, вспомнил Сенкевич, при случае можно сделать сэппуку, если ритуального кусунгобу под рукой не окажется. Подумал и чуть не сплюнул от злости – ну и обычаи… Справа за поясом торчал веер тессен. Его можно носить даже в присутствии сегуна. Странно, кстати: окованный железом веер – оружие не менее грозное, чем катана.

«Кажется, с одеждой разобрался, – подумал Сенкевич. – Только вот облачаться во все эти штуковины, наверное, трудно, один трехметровый пояс поди обмотай вокруг себя. Впрочем, наверняка богатые самураи одеваются с помощью слуг».

Во дворе ожидали паланкины. Усевшись в свои носилки, Сенкевич поразился, насколько они маленькие и низкие. Его окружили самураи – охрана дайме Маэда Тосицунэ, следом потянулась сопровождающая свита. Слуги пронесли паланкин через ворота, миновали призамковые строения, двинулись по городской улице. Сенкевич сидел ровно, вид имел важный и невозмутимый, как полагалось истинному самураю, но с интересом косился по сторонам.

Замок сегуна стоял на самом берегу залива, от него вдоль береговой линии тянулись улицы города – маленькие, тонкостенные, будто игрушечные, деревянные домики с остроконечными крышами. Сенкевичу хотелось бы осмотреть Эдо подробнее, увидеть, как живут простые люди. Но путешествие получилось коротким: паланкин выплыл на широкую улицу, по обе стороны которой стояли камиясаки – богатые городские резиденции дайме и высших чиновников бакуфу[7]. Эти дома были большими, нарядными, утопали в цветах, но тоже создавали впечатление легкости и ненадежности – все здания столицы были построены из дерева, и только стены, окружавшие замок Эдо, сложены из камня.

Народу на улице было немного – слуги и рядовые самураи останавливались, склоняя головы, дабы не пересечь дорогу шествию – это жестоко каралось по закону. Рядом с кортежем Сенкевича тянулись такие же важные процессии остальных удельных князей, разъезжавшихся после приема у Токугава.

Маэда Тосицунэ отправился домой.

[7] Бакуфу – правительство при сегуне.

Дан

Старуха была мощна – в несколько раз сильнее среднего мужчины. Ее жертвами за последнюю неделю стали шесть женщин на сносях и трое мужчин, которые попытались отомстить за своих жен. Онибаба питалась исключительно печенью беременных – у японских монстров вообще извращенные вкусы, как заметил уже Дан.

Жители деревни Амацу, возле которой обосновалась ведьма, были счастливы, когда к ним явился ронин, и тут же наняли его за два моммэ[8]. Это было немного, но нищая деревня и столько с трудом собрала, а у Дана не имелось выбора.

Он стоял справа от входа в пещеру, вжимаясь в камень горы. Онибаба обладала острым нюхом и чутьем зверя. Перед тем как отправиться убивать ведьму, Дан натерся пахучими травами, чтобы отбить человеческий запах. Сейчас он ждал, когда мимо пещеры пройдет беременная женщина, выполнявшая роль приманки. Ему самому эта ситуация напомнила Равенсбург и несчастную белокурую Ирму, на которую, как на живца, ловили вервольфа. Тогда зверя поймать не удалось, девушка погибла зря. Сегодня он был твердо намерен сохранить крестьянке жизнь. Дан предлагал переодеть в женщину какого-нибудь молодого парнишку, изобразить живот из тряпья да запустить прогуливаться мимо пещеры. Но Карасу пояснил, что на беременных у Онибабы особое чутье, обмануть ее не получится. Пришлось рисковать.

Закатное солнце окрашивало горизонт в тревожный алый цвет: Дан вышел к пещере ближе к сумеркам. При солнце Онибаба охотилась редко, а ночью у ведьмы было бы слишком большое преимущество.

На тропе, ведущей в деревню, показалась женщина. Она шла медленно, поддерживая тяжелый живот – была уже на сносях. Крестьянка спотыкалась почти на каждом шагу – Дан отлично понимал ее страх.

Карасу, сидевший у него на плече, чувствительно долбанул клювом по затылку, призывая к вниманию: из пещеры высунулась уродливая седая голова. Онибаба почуяла запах дичи, водила длинным носом, радостно скалилась. Женщина поравнялась с пещерой, и ведьма рванулась к несчастной.

Карасу поднялся в воздух. Дан прыгнул Онибабе наперерез, вытягивая катану. Оказавшись между старухой и крестьянкой, взмахнул мечом, собираясь одним ударом снести ведьме голову. Онибаба стремительно пригнулась, лезвие катаны просвистело над ее макушкой. Ведьма двигалась настолько быстро, что человеческому глазу трудно было уследить за нею. Она упала, опираясь на руки, покатилась по земле, вскочила с ловкостью опытного бойца и пошла на Дана. Он выставил меч перед собой, двинулся по кругу, делая обманные выпады. Старуха ничуть не испугалась, не попыталась даже маневрировать. Побежала прямо к противнику – обнаженная по пояс, как борец, жилистая, такая тощая, что сквозь кожу проступали кости.

Добравшись до ронина, Онибаба взмахнула длинной костлявой рукой, будто сметая с пути досадную помеху. Удар был такой силы, что Дана швырнуло об землю. Он не успел опомниться, как ведьма прыгнула ему на грудь, придавила всей тяжестью, схватила за горло – она была невероятно сильна. Дан высвободил руку, врезал в челюсть – Онибаба лишь помотала седой башкой и крепче стиснула когтистые пальцы. В глазах помутнело. Ведьма склонилась ниже, восседая на ронине в позе наездницы. Она весело хихикала. Перед лицом Дана тряслись мешочки дряблой кожи, когда-то бывшие грудями Онибабы. Очень не хоте-

[8] Моммэ – японская серебряная монета.

лось, чтобы это зрелище стало последним в жизни. Дан вцепился в пальцы ведьмы и попытался их разжать.

Внезапно хватка ослабла, а потом и вовсе исчезла. Кто-то стащил с его груди цепкую старуху. Откашливаясь, хватая ртом воздух, Дан встал на четвереньки. У Онибабы появился новый противник – огромный мужик в цветастом кособэ, краснолицый, с длинным, словно у Буратино, носом. За спиной его хлопали синие крылья, но на ангела он нисколько не походил. В руках здоровяк сжимал окованные железом веера. С удивительной для тучного тела грацией он раскачивался перед ведьмой, будто исполняя ритуальный танец. Веера трепетали, краснолицый ехидно ухмылялся, Онибаба выглядела растерянной. Она пыталась ухватить мужика, но тот неуловимым, плавным и одновременно стремительным движением все время уходил в сторону.

Очередной взмах веера перед лицом старухи закрыл ей видимость, загородил Дана. Тот подхватил катану, вскочил, размахнулся – на этот раз удар достиг цели. Седая голова покатилась по тропе, тело сделало еще несколько шагов и свалилось на землю, заскребло руками и ногами.

Краснолицый съежился, сделался меньше, свернулся в невразумительный клубок, который заиграл разными красками, потом начал чернеть. Человеческое тело теряло очертания, размывалось, съеживалось, превращаясь в нечто иное. Вскоре на месте мужика сидел Карасу.

– Может быть, тебе стоит заменить катану на сямисэн, Акира? – саркастически осведомился он. – Ты орудуешь мечом с такой же силой и скоростью, как делала бы это девица из хорошей семьи.

Дан смиренно поблагодарил тэнгу за помощь, но тот не сжалился, продолжал выдавать замечания, одно ехиднее другого. Подытожил:

– Следует усилить тренировки, Акира. Не понимаю, откуда у меня, величайшего сэнсэя, взялся такой нерадивый ученик.

Дан лишь поклонился: когда дело касалось искусства мечника, тэнгу становился безжалостным и нетерпимым.

– Теперь идем получать плату за сохраненные жизни, – смягчился Карасу. – Крестьяне – народ бережливый, денежки у них надо забирать сразу. А то потом выяснится, что ведьма была чьей-нибудь любимой тетушкой, которая просто мило шутила с беременными.

Он уселся на плечо Дана, тот подхватил за волосы голову Онибабы и отправился в деревню. Обитатели Амацу встретили его восторженными восклицаниями, тут же передали приятно позвякивающий мешочек – два моммэ медью, как было договорено.

В доме старосты почетного гостя накормили ужином и уложили спать. Тэнгу улетел ночевать в лес. Дан немного поворочался на циновке, но вскоре усталость взяла свое, и он отключился…

Белые хризантемы источали тонкий полынный аромат. Лепестки поздних синих ирисов трепетали под слабым ветерком. В теплом воздухе, напоенном пением цикад, ощущалось приближение осенней грусти.

Она стояла возле каштана, задумчиво проводя пальцем по шершавой коре. Тонкая, как побег молодого бамбука, нежная, словно капелька утренней росы, белая, будто лебединое перо. Любимая, такая желанная, такая недоступная…

Дочь господина, Кумико-сан… Акира происходил из древнего самурайского рода Сайто, и семья его не была бедна. Однако между самураем и дочерью дайме, которому он служит, – пропасть. Нельзя надеяться, нельзя думать, нельзя даже мечтать…

Но Акира мечтал со всем пылом молодого сердца. Вот и сегодня, увидев Кумико в саду, он застыл, замер, издали наблюдая за грациозными движениями девушки. Кумико медленно обернулась, посмотрела прямо ему в глаза. Уголки тонких, капризно изогнутых губ едва

заметно приподнялись в легкой улыбке. Лишь мгновение – и Кумико опустила ресницы, пряча блестящий взгляд. Склонила голову, грациозно ступая, ушла прочь.

В душе Акира поселилась сумасшедшая надежда…

* * *

Пыльная дорога, тянущиеся вдоль нее поля, кое-где цветущие кусты, синеватые горы на горизонте, запах невидимого моря, вкрадчиво вползающий в ноздри… Деревня Амацу осталась далеко позади.

Редкие путники с опаской поглядывали на ронина в простой одежде, спешили быстрее миновать его – места безлюдные, а кто знает, что кроется в мыслях безработного самурая?

– Люди… – недовольно проворчал с плеча ворон. – Скорее бы лес. Прибавь шагу, Акира!

«Карасу – интроверт и социопат, – подумал Дан. – Как, впрочем, и все тэнгу – странные, загадочные существа, горные и лесные духи со способностью к оборотничеству. Эти демоны настолько ненавидят людей, что не хотят мира между ними. Обернувшись монахами, а то и самим Буддой, нашептывают правителям и воинам недобрые советы, сеют раздор и драки. Но если уж тэнгу сочтет воина достойным, возьмется его обучать – тогда этот человек в искусстве мечника не будет знать равных. Говорили, что знаменитый Миямото Мусаси, которого никто не мог победить, обучался ремеслу воина у древнего тэнгу с горы Фудзияма.

Тэнгу трепетно берегут родные места – если путник неосторожен в лесу, ломает ветки или шумит в горах, они могут даже убить его…»

– Скажи, кто ты сейчас? – потребовал ворон, прерывая эти неспешные мысли. – Кто в тебе властвует: Акира или дух-пришелец?

– Пришелец, – буркнул Дан.

– Что ж, – выдал Карасу после недолгих раздумий. – Может, это даже к лучшему. Ты сумеешь придать свежести взгляду моего бедного друга и решимости его душе.

Карасу был кем-то вроде фамильного хранителя семьи Сайто, что снова доказал вчера, в сражении с Онибабой. Он никогда не оставил бы подопечного в беде.

Когда-то прадед Акира спас молодого раненого тэнгу от стаи разгневанных кицунэ[9], которых незадачливый дух раздразнил по неопытности. Самурай забрал вороненка домой, выходил, и тот из благодарности остался с ним. Карасу обучал воинскому искусству вот уже третье поколение семьи. Еще ворон обожал донимать мужчин клана Сайто мудрыми советами, проявляя при этом редкостный сарказм и ехидство. Вот и сейчас он хрипло воззвал:

– Акира, если ты меня слышишь: скажи хоть что-нибудь. С тех пор как сегун отправил тебя в изгнание, ты подобен цветку, пляшущему на воде. Не так красив, разумеется, но в силе и твердости не уступаешь… Наконец-то лес!

Дан и не заметил, как дорога перешла в узкую тропу и привела к подножию горы. Ворон расправил крылья, взлетел, исчез в кронах деревьев. Дан с интересом осматривался. Лес не походил на тот, какой он привык видеть в России. Было много незнакомых деревьев и кустарников. Из тех, что он сумел узнать, росли дубы, буки, каштаны, но и они выглядели как-то необычно. Тонкие деревца с резными листьями он определил как разновидность клена.

Приближалась ночь, последние солнечные лучи запутались в молодой листве, окрасив ее на прощание в малиновый цвет. На лес быстро опускались бархатистые сумерки. Сначала

[9] Кицунэ – японское название лисы. Здесь имеется в виду – лиса-оборотень. Существо со сложным, непредсказуемым характером. Может творить зло, а может – добро. Умеет обращаться в женщину.

Дан подумал, что ночевать здесь будет неуютно, потом вспомнил: с ним тэнгу, а значит, все будет хорошо. Словно подслушав его мысли, ворон опустился на плечо и спросил:

– Где остановимся на привал? Наши далеко, не дойдешь. Можно бы податься к кицунэ, но говорят, слишком уж они любят молодых самураев. Справишься с целой стаей? Не справишься – выпьют силу и выбросят.

Лисы-оборотни, припомнил Дан из любимых аниме. Выходило, что они здесь существуют. Хотя… у него на плече сидит настоящий, живой тэнгу, чему тут еще можно удивляться?

– Что скажешь, Акира? – злорадно прокаркал Карасу. – Можно еще отправиться к тануки[10], они здесь, неподалеку. Но захочешь ли ты спать в домике, сделанном из енотовой мошонки?

Такая перспектива Дана тоже не порадовала, он мотнул головой.

– А может быть, вопрос с ночевкой уже решен, – пробормотал ворон, встрепенулся и взлетел.

Впереди, за деревьями, забрезжили отблески огня. Дан осторожно выглянул из-за ствола и увидел небольшую поляну, посреди которой горел костер. Возле него была брошена циновка, лежал полотняный вещевой мешок. Людей нигде не было.

– Не шевелись! – его шеи коснулась прохладная сталь. – Не оборачивайся. Отвечай быстро: кто ты?

– Ронин Сайто Акира из Осака, – ровно и очень тихо ответил Дан, опасаясь, что острое лезвие катаны порежет кожу.

– Слышал о таких, – произнес низкий голос. – Знатный род. Из бывших самураев Тоетоми Хидэери? И как же ты оказался на дороге, ведущей в сторону Эдо?

– Это мое дело, – спокойно проговорил Дан. – Я не желаю тебе зла, сэнсэй. Отпусти меня, и я мирно уйду.

Человек хмыкнул и убрал катану.

– Почему ты назвал меня сэнсэем?

– Застать врасплох Сайто Акира может только великий воин и мастер меча.

Дан медленно обернулся и поклонился высоченному, широкоплечему мужчине в простой одежде ронина. Тот ответил поклоном:

– Тогда добро пожаловать к моему костру, Акира-сан. Можешь переночевать на этой поляне, я разделю с тобой ужин.

Даже не будь у него памяти Акира, Дан понял бы, кто перед ним. Как человек, серьезно увлекавшийся кендо, он много читал о непобедимом воине по прозвищу Святой меч, авторе «Книги пяти колец». «Действительно, – вспомнил Дан, – как раз в эту эпоху он и жил. Сейчас, в 1616 году, Мусаси должно быть лет тридцать – тридцать пять. Самый расцвет его странной, даже безумной карьеры». Он снова поклонился:

– Благодарю за приглашение, Мусаси-сэнсэй.

Казалось, богатырь доволен тем, что его узнали. Уже сидя у костра и протягивая Дану запеченный на углях батат, он спросил:

– Зарабатываешь на жизнь, убивая нечисть, Акира-сан? Говорят, в деревне Амацу появилась Онибаба. Справился?

Дан кивнул. Акира уже давно ходил по деревням и маленьким городкам, продавая свое воинское умение. Расправлялся с нечистью, которая в избытке лезла из окрестных лесов, защищал крестьян от разбойников и грабителей, часто налетавших на мирные поселения.

---

[10] Тануки – добрые енотовидные собаки-оборотни. Обладают одной особенностью – безразмерной мошонкой, которую могут превращать в одеяло или даже домик.

Но это не было самоцелью его путешествия – Акира медленно, но верно продвигался к Эдо, по дороге разыскивая других выживших самураев Тоетоми Хидэери, убеждая их отомстить предателю, из-за которого погиб господин…

Соглашались не все: слишком уж высокопоставленным был враг, а самураи – тоже люди. Одни нанялись на службу к новым господам и считали своим долгом быть верными им, другие боялись за семьи. Но находились и те, кому нечего было терять, как самому Акира. Такие, кипевшие ненавистью к человеку, лишившему их благополучной жизни, всеобщего уважения, честного и доброго господина, жаждали мести. Пока удалось уговорить троих. Все они отправились в Эдо. Пошли отдельно друг от друга, чтобы не вызывать подозрений. Да и одному изгнаннику проще пробраться в столицу незамеченным, чем четверым.

– Ты сражался за замок Осака? – прервал его размышления Мусаси.

Дан кивнул.

– Я тоже там был, – спокойно заметил великий боец. – Только дрался на стороне Токугава. Хочешь мстить за смерть господина, – Мусаси не спрашивал, он утверждал и, казалось, не ждал ответа.

Дан промолчал.

– Я расскажу тебе одну историю, – проговорил Мусаси. – Однажды, когда мне был двадцать один год, знаменитый мечник Есиока Сэйдзиро вызвал меня на поединок. Я убил его. Тогда клан Есиока объявил мне кровную месть. За мной стал охотиться старший сын Сэйдзиро – Дэнситиро. Мы встретились на болоте, и я проломил ему голову тренировочным бокэном[11]. Тогда право мести перешло к младшему сыну, Ханситиро. К тому времени семья Есиока так мне надоела, что я сам разыскал Ханситиро, который учился в школе мечников, в Киото. Я пришел в додзе[12], перебил всех учителей и учеников, расправился с Ханситиро. С тех пор семья Есиока больше мне не докучает – они потеряли лицо, и сегун запретил им путь меча, теперь они красильщики.

Мусаси повернулся набок, и вскоре Дан услышал его ровное дыхание – знаменитый фехтовальщик спал. «Неудивительно, что он побеждает всех, даже не применяя боевой меч», – подумал Дан. Рост Мусаси был не меньше метра девяноста, и вес килограммов сто. Это в Японии семнадцатого века. Да ему все противники максимум по грудь. И руки у великого мечника гораздо длиннее – пока несчастные фехтовальщики пытаются достать его катаной, он просто лупит их дубинкой по башке. Дан так и не понял, к чему Мусаси рассказал ему историю про клан Есиока. Вскоре он тоже уснул.

На рассвете Мусаси подскочил, почесал в затылке, взъерошив и без того спутанные, грязные волосы, бросил на прощание:

– Не испытывай неуверенности в себе! – И зашагал прочь.

– Мудрое наставление, – заметил Карасу с дерева.

– Куда ты пропал вчера?

– Оставил тебя с сэнсэем. Тебе нужна была эта встреча, – загадочно проронил тэнгу. – Потом поймешь.

[11] Бокэн – деревянный меч для тренировок.

[12] Додзе – место для изучения боевых искусств.

Настя

– Здесь ты будешь жить, здесь же принимать гостей. Ну-ка, встань, я посмотрю на тебя.

Настя послушно поднялась с колен. Пожилая женщина обошла ее кругом, довольно похмыкала. Цепкими пальцами взяла за подбородок, оттянула губу, посмотрела зубы. Заглянула в глаза, провела ладонью по волосам.

– Ты красива, Кумико. Это хорошо. Только вот не знаю, что делать с твоей образованностью. Она здесь только помешает.

Кумико? Настя постепенно приходила в себя. Снова не дома… Впрочем, следовало поблагодарить судьбу и Сенкевича, что сумел переправить хоть куда-то, чем сохранил ей жизнь. Она ведь почти умерла там, на Гамме-32. Еще несколько часов, а может быть, даже минут или секунд – и паразит дозрел бы, вырвался из нее, разворотив грудную клетку.

Женщина продолжала пристально смотреть ей в лицо, а руки ее шарили по плечам, бедрам, животу. Настя опустила глаза, изображая покорность – судя по высказываниям тетки, сейчас это было самое разумное поведение. Сама же постаралась включить память объекта. Это удалось без труда.

Итак, сейчас 1616 год. Она в теле пятнадцатилетней Кумико, дочери влиятельного дайме Тоетоми Хидэери, из клана Осака. Всю ее семью вырезали, лишь ей сохранили жизнь – не из милосердия, а для того, чтобы окончательно покрыть позором имя Тоетоми. Утонченная месть по-японски. Несколько месяцев держали в плену – обращались прилично, берегли девственность, а потом задорого продали в публичный дом в городе Эдо. Женщина, которая сейчас осматривает ее, – хозяйка заведения, Тоши.

– Ты мне недешево обошлась, – словно подслушав мысли девушки, заявила сводня. – Но ничего, при твоей красоте это скоро окупится. Только будь послушной, Кумико. Скоро я назначу торг за твою невинность. Надеюсь, богатые господа не поскупятся. Отдыхай пока.

Старуха вышла. Настя уселась на циновку, осмотрелась. Пустая комната, лишь в центре – непривычно низкая постель да рядом с нею столик. Кстати, там лежало маленькое зеркало с длинной ручкой. Надо бы взглянуть на себя.

Осмотр поверг девушку в шок. Она так и не поняла, о какой красоте рассуждала Тошисан. Круглое плоское лицо, маленькие глазки, тонкие губы. Настя попыталась улыбнуться и едва не заорала: зубов у нее не было. «Удалили, чтобы удобнее было делать… что?» – в ужасе подумала она. К счастью, на помощь пришла память Кумико, подсказала: японки чернят зубы, это считается изысканным. Настя провела по ним пальцем и слегка успокоилась.

Ощупав себя, расстроилась еще больше: Кумико была на редкость субтильной, абсолютно плоской со всех сторон, без всяких изгибов и выпуклостей. Настя задрала подол кимоно, горестно взвыла: ноги были короткие и огорчительно кривые.

«Очнись! Не из-за того расстраиваешься, дорогая, – сказала она себе. – Тебя скоро продадут какому-нибудь старому извращенцу. Тело чужое, это ясно. Но сидишь-то в нем ты, и проституткой работать придется тебе: выносить прикосновения клиентов, угождать всяким похотливым уродам, выполнять их приказы… Вот это влипла!» Настя содрогнулась. Конечно, она не хотела бы вернуться на Гамму-32, к паразиту, но вот монастырь в Равенсбурге вдруг показался ей вполне симпатичным местом.

«Так что, может, некрасивость мне только на руку?» Память Кумико вновь вмешалась, выдав неутешительную информацию: по здешним стандартам, девица считается очень привлекательной.

И что теперь? Бежать? Куда? В Японии женщина еще более бесправна, чем в средневековой Европе. К тому же она ведь дорогой товар, за нее деньги плачены, будут ловить.

А еще и Данилку где-то искать надо, и Сенкевича. Хотя уже понятно: все они и без того рано или поздно столкнутся. Только бы лучше рано, чем поздно, пока ее здесь не успели измочалить.

«Ну, измочалить-то я себя никому не позволю, – мысленно усмехнулась Настя. – В крайнем случае придется грохнуть клиента и смыться». Пока же она решила немного подождать, изучить обстановку, подумать. Суетиться рано, даже торг за невинность еще не назначен.

Кстати, почему хозяйка сказала, что образование только мешает? Вроде бы гейша как раз за него и ценится. Проинспектировав память Кумико, Настя узнала, что девица много читала, занималась каллиграфией, отлично играет на сямисэне, умеет сочинять хокку и поддерживать изящную беседу, складывает оригами, владеет искусством составления икебаны, а также знает все о чайной церемонии. С точки зрения Настиных современников – умения не особенно полезные, но, кажется, именно они необходимы дорогой гейше.

Только вот ничего об эстетической функции гейш в памяти Кумико не отыскалось. Может быть, девушка из хорошей семьи и не должна иметь такие знания, только вот существование проституток для Кумико тайной не было. Куда же делись гейши в классическом понимании, с их изысканностью и свободой выбора? Выходило, или их не существует в принципе, все это легенды, или, возможно, они появились позже.

«Эй, где ты там?» – Настя решила поговорить с соседкой. Но Кумико не ответила. Зато в сознании всплыли ее воспоминания.

Толстые стены из серого камня нависали над рвом, глубина которого была не меньше, чем два человеческих роста. Тяжелые ворота широко распахнуты, по мосту в замок шагало войско. Над головами самураев развевались шесть больших флагов с крестом.

– Христиане, – тихо сказала из-за плеча бабушка.

– Почему они идут сюда, Едогими-сан?

– Не бойся их, Кумико. Это армия Акаси Тэрудзуми, который выбрал христианство. Сегун истребляет его единоверцев, поэтому Тэрудзуми решил поддержать твоего отца.

Кумико едва слышно вздохнула. Она боялась не самураев, а того, что ждало впереди. Вокруг только и говорили о войне. Даже женская половина полнилась тревожными слухами. То и дело в замок приходили лазутчики, рассказывали страшное: Токугава Иэясу готовится к нападению на Осака. Сегуну мешал могущественный дайме Хидэери, который имел полное право претендовать на власть в Японии. Всем было ясно: противостояния не избежать, стратег и интриган Иэясу не успокоится, пока не уничтожит клан Тоетоми.

Предчувствие войны витало в воздухе. Множество ронинов, потерявших хозяев или работу после битв при Сэкигахаре, собиралось в Осака. Отец принимал всех. Под защитой каменных стен Осака вырос целый военный город. Самурайские нагая[13] были переполнены, и вокруг замка стояли походные шатры.

– Не женское дело размышлять о сражениях, – наставительно заметила бабушка. – Следует вверить себя в руки отца и разделить его судьбу, какой бы она ни была.

Кумико склонила голову. Оставаться невозмутимой, не страшиться будущего, сохранять лицо, не бояться смерти… Но умирать не хотелось. Хотелось любить. И все время помнился полный какого-то безнадежного, отчаянного обожания взгляд молодого самурая по имени Акира.

– Посмотри, сколько сторонников у Тоетоми, – проговорила Едогими-сан. – Все будет хорошо, дитя. Замок Осака неприступен, никому еще не удавалось взять его штурмом. Подвалы полны запасов, а снаружи нас охраняют пять тысяч воинов. Скоро война окончится, и твой отец станет сегуном.

---

[13] Нагая – барак для военных, в котором могло размещаться до 80 человек.

Кумико кивнула, в знак того, что соглашается со словами бабушки.

Только вот ходили упорные слухи, что хитрец Иэясу строит козни, переманивая к себе вассалов Тоетоми. И говорили, он в этом преуспел: все больше последователей клана перебегали к сегуну. Неизвестно, сколько еще таких предадут отца…

– Ступай, займись лучше каллиграфией, – Едогими-сан мягко оттолкнула внучку от окна.

Кумико послушно отправилась на женскую половину, в комнату для рисования. Сегодня ее надежды так и не сбылись: во дворе замка она не увидела Акира.

Глава 2

Толстый кот,
Лениво хвостом шевеля,
Дразнит бабочек.
Исса

Сенкевич

Открылись ворота, Сенкевич с помпой въехал в свои владения. Дом был большой, из светлого дерева, с остроконечной зеленой крышей и верандой сбоку. Высокие, на всю стену, окна загорожены изящными резными деревянными решетками. Камиясаки утопал в зелени, вокруг благоухали пышные цветы.

«Интересно, – подумал Сенкевич, – есть у меня жена?» Очень хотелось посмотреть на японок, пока он не видел еще ни одной. Тут же вспомнил: супруга, Хино Томико, осталась в поместье. А здесь – три наложницы.

«Неплохо устроились самураи, – подумалось Сенкевичу. – Жена, да еще и официальные любовницы – все живут вместе, никто не ругается. Не надо оправдываться, бегать налево, бояться быть разоблаченным, ссориться, разводиться… Хотя и в России XXI века, конечно, жены часто мирятся с наличием любовниц. Но все равно менталитет другой».

Сенкевич твердо решил изучить особенности японского менталитета, особенно в проявлениях сексуальности, и начать прямо сегодня. В конце концов, после одиноких скитаний по Галактике в образе адмирала Гранта требовалась разрядка.

Но для начала – подкрепиться и отдохнуть. Как раз приближалось время ужина. Перед этим, как подсказала память Тосицунэ, следовало принять ванну. Сенкевич прошел по довольно узкому пустынному коридору в средний покой. Там уже стояла большая дубовая бочка, от которой исходил пар. По обе стороны замерли молодые служанки. При виде господина обе согнулись в поясницах, уперлись руками в колени и склонили головы. Сенкевич милостиво кивнул, девушки кинулись снимать с него одежду. Он с удовольствием уселся в бочку.

Вода оказалась слишком горячей – почти кипяток. Девушки принялись нежно оглаживать его мягкими мешочками, наполненными отрубями, осторожно омывая тело. Процедура Сенкевичу понравилась, и он даже подумывал, не затащить ли в бочку одну из служанок, только вот обе девицы, с его точки зрения, были совершенно непривлекательными. Он решил приберечь силы и подождать появления наложниц – уж они-то у богатого самурая должны быть хорошенькими.

Сенкевич вылез из бочки, девушки накинули на него просторный халат и аккуратно промокнули тело. Затем халат сняли, слуга внес чистую одежду. Умытый и принаряженный Сенкевич вошел в комнату для трапезы. Здесь, так же как во всех помещениях дома, было непривычно пусто для русского взгляда. Одну из стен полностью занимало окно, от пола до потолка. У другой – стойка для мечей. Вместо двери – бумажная раздвижная ширма. Никакой мебели, пол застелен циновками. Четверть комнаты занимало возвышение типа подиума. Стена за ним затянута красивым шелковым экраном с вышивкой – золотистые драконы, резвящиеся в лазурно-синем море.

Сенкевич поднялся на подиум. Слуги внесли низкий столик и принялись уставлять его блюдами. Рисовые шарики, похожие на привычные суши, только без рыбы сверху, вареные

яйца, жареный палтус, маринованные овощи. К ним – сакэ. Слуга, опустившись на колени, наливал его из кувшинчика в крошечную чашечку.

Насытившись, Сенкевич огляделся: покурить бы… Старая привычка никак не отпускала.

– Господину угодно трубку? – льстиво спросил слуга.

Трубка! Господи, здесь же есть табак! Это наполнило Сенкевича незамутненным счастьем.

Курение тоже оказалось целым ритуалом: он прошел в небольшой садик возле веранды, где под деревьями стояли маленькие скамейки, журчал обложенный камнями ручеек, покачивались весенние цветы. Слуга принес туда длинную, уже раскуренную трубку, почтительно подал. Сделав первую затяжку, Сенкевич блаженно откинулся на спинку скамьи и, прикрыв глаза, медленно выдохнул облако дыма. Табак оказался ароматным, с нежным сладковатым привкусом вишни.

Насладившись курением, он подумал, что теперь, действительно, недурно бы поразвлечься. Крепкое самурайское тело потребовало любви. Здесь было принято предугадывать желания хозяина.

– Господину будет угодно пить чай на женской половине? – скорчившись в поклоне, спросил слуга.

– Да, – отрывисто бросил Сенкевич.

Он уже понял: здесь все делается не просто так, с церемониями, сложными ритуалами и тщательной подготовкой. Войдя на женскую половину, отключил память Тосицунэ во всем, что касалось любовных утех, решив: пусть секс будет сюрпризом. В своей обычной жизни он не был охотником до азиаток – так, попробовал пару раз, но не нашел ничего особенного. Другое дело – японская наложница семнадцатого века. Наверняка обладает какими-нибудь уникальными умениями.

Слуги внесли чай – зеленый, ароматный, зажгли висевшие вдоль стен, обтянутые шелком фонари и удалились. Бумажная перегородка тихо отъехала в сторону, в комнату гуськом, опустив головы, вошли четыре женщины, выстроились в ряд, опустились на колени. «Да что за нация такая ползучая?» – расстроился Сенкевич. Он терпеть не мог низкопоклонства и унижения.

Первая дама была немолода, насколько он мог судить – хотя с этими азиатками черт поймет, все одинаковые. Скорее всего, она играла при младших роль наставницы. Поэтому Сенкевич стал рассматривать остальных трех. Тут же с грустью вынужден был признать: наложницы не грешат избытком привлекательности. Как выглядят их лица, спрятанные под толстым слоем белил, понять было трудно. А вот с фигурами, по мнению русского мужика, дело обстояло совсем уж печально: шелк кимоно не топорщился ни спереди, ни сзади. Абсолютно ровные, без всяких соблазнительных выпуклостей и изгибов, тела скорее могли принадлежать недокормленным юношам-подросткам, чем зрелым женщинам. Сенкевич скользил тоскливым взглядом по субтильным девицам. Выбрал одну, у которой под кимоно угадывался хоть слабый намек на грудь. Кивнул, указывая на нее. Старшая склонилась еще ниже. Потом дамы покинули комнату тем же порядком, что и вошли.

Сенкевич опустился на кровать, устроенную на подиуме в центре комнаты. Матрац был тонким и довольно жестким, подушки сделаны в виде валиков, правда, одеяло выглядело привычно. В ожидании наложницы он разглядывал устройство спальни. Здесь тоже практически не было мебели, только с одной стороны возвышения стоял столик с полотняными салфетками, кувшином воды и шкатулками. С другой стороны, сантиметров на тридцать ниже подиума, была зачем-то постелена еще одна постель, на которой стояло странное приспособление, гладко отшлифованный чурбачок на четырех ножках. В середине была выпилена небольшая выемка. Сенкевич немного подумал, не желая обращаться к памяти

Тосицунэ, потом махнул рукой, надеясь, что эта штука предназначена для каких-нибудь сексуальных изысков.

Наконец перегородка бесшумно отодвинулась, в комнату тихим призраком скользнула наложница в белоснежном кимоно. Присела возле входа, закрыла задвижку, скрючилась в поклоне.

– Сюда! – по-самурайски кратко приказал Сенкевич.

Девушка сняла сандалии, семеня, подошла ближе и устроилась на кровати, которая находилась ниже ложа Сенкевича. Теперь он наконец понял, для чего предназначалась крохотная скамейка: наложница улеглась на спину и подставила чурбачок под шею, таким образом, что сложная высокая прическа не касалась подушки.

«Ну, вообще отлично! – мысленно возмутился Сенкевич. – Пришла потрахаться, и боится растрепать волосы!» Хваленая японская изысканность в любви начинала его раздражать. К тому же было непонятно, зачем девица улеглась на другую кровать. Наложница в это время выжидательно смотрела на него, сохраняя на лице самое покорное выражение.

– Сюда! – снова рявкнул Сенкевич, для наглядности хлопнув рукой по своей постели, и тут же сам себя окоротил: «Что я с ней, как с собакой-то?»

Во взгляде наложницы проскользнули испуг и недоумение. Видимо, господин делал что-то, выходящее за рамки ее понимания. Сенкевич припомнил имя и уже мягче спросил:

– Почему ты не хочешь подняться ко мне, Акане?

Казалось, девушка уже едва сдерживает слезы:

– Никто не должен быть наравне с господином, – чуть слышно прошептала она. – Но если господин приказывает…

«Мать родная… Это что ж получается, – удивился Сенкевич. – Бабы вот так ложатся на нижнюю кровать, а лихой самурай коршуном пикирует на них сверху?» Тут его посетила еще одна мысль. Пришлось включить память Тосицунэ. Вскоре он выяснил: никто не может быть не только наравне с господином. Выше его тоже находиться не полагается. Получалось таким образом, что несчастный дайме лишался многих интересных позиций. Кстати, такой обычай был заведен у сегуна, а удельные князья просто копировали господина.

– Господин приказывает, – решительно подтвердил Сенкевич.

Акане прохладной змейкой скользнула на верхнее ложе, замерла в ожидании следующих распоряжений. От нее тонко пахло цветами и травой – ароматическими маслами.

Сенкевич не торопился. Ласково провел ладонью по тонкой шее – запачканные белилами щеки трогать не стал. Наложница покорно склонила голову.

«Тоска, – подумал он. – Конечно, девушка всему обучена, в том числе, может быть, и пресловутым японским изыскам. Только вот демонстрировать все эти умения будет лишь по приказу мужчины, беспрекословно выполняя его желания и заботясь исключительно об удовлетворении господина». Никакой инициативы ждать не приходилось.

Вспомнилась Роза – горячая, пышногрудая, длинноногая. А еще – странная, страстная, непредсказуемая в любви. Она могла быть тихой и покорной, нежной и ласковой, могла обжигать страстью, становиться дикой, неудержимой, требовательной…

А с такой овечкой как-то ничего и не хотелось… «Ладно, – подумал Сенкевич. – Начнем с азов». Он протянул руку, осторожно коснулся замысловатой прически, нащупал деревянные шпильки, вытащил их. Наложница тихо ахнула. Длинные волосы тяжело упали на плечи, черным блестящим плащом накрыли хрупкую фигурку. Сенкевич отшвырнул шпильки, немного полюбовался делом своих рук. Так девушка выглядела уже гораздо привлекательнее. Он взял со столика салфетку, смочил водой из кувшина и принялся стирать с лица Акане белила. Та затаила дыхание, боясь пошевелиться. Вскоре наконец можно было рассмотреть ее черты. «В общем-то, ничего особенного, – подумал Сенкевич, – обычное

азиатское лицо, но на него приятнее смотреть, чем на харю то ли Пьеро, то ли клоуна из фильма ужасов».

Лишившись грима и прически, девушка смутилась так, словно ее заставили появиться на людях голой. Сенкевич, чтобы успокоить, тихо, ласково заговорил с нею. Рассказывал что-то незначительное, задавал вопросы о семье. Постепенно Акане расслабилась, пару раз даже робко улыбнулась.

Тогда он нежно погладил ее по щеке, склонился и бережно, почти невесомо, коснулся губами чистого лба. Наложница судорожно вздохнула. Сенкевич продолжал целовать ее лицо, осторожно огладил сначала волосы, потом шею, плечи…

Когда он провел губами по ее губам, Акане тихо застонала.

– Тебе нравится? – шепотом спросил Сенкевич.

– Да, господин, – с дрожью в голосе ответила девушка.

– Тогда и ты потрогай меня.

Акане быстро освободила его от одежды. Нежные и опытные руки заскользили по его телу. Сенкевич поцеловал девушку крепче, требовательнее, проник языком в рот. Провел ладонью по крохотной груди, ласково сжал сосок. Наложница затрепетала и прижалась к нему всем телом. Сенкевич лег на спину, посадил легкую, хрупкую Акане на себя. Провел большим пальцем по лону, убеждаясь в ее готовности. Девушка вскрикнула, чуть приподнялась и рукой направила его в себя. На миг замерла, словно привыкая к ощущению, потом медленно задвигалась, плавно работая бедрами. Вскоре она закусила губы, выгнулась и тихо, сдержанно застонала.

Сенкевич вдруг почувствовал раздражение, почти злость. Знаменитая японская манера «не терять лицо» сказывалась даже в сексе. «Ну погоди, ты у меня сейчас орать будешь и просить еще», – мстительно подумал он, переворачивая наложницу на спину и усиливая напор.

В этот вечер Акане не раз побывала выше господина, ниже господина, перед господином – Сенкевич опробовал на ней множество простых и замысловатых позиций. Самурайское тело не подвело, и здесь как раз умение сдерживаться пришлось как нельзя кстати. Когда он закончил, Акане пребывала в полусознательном состоянии. Растрепанная, потная, с лихорадочным румянцем на щеках, она тяжело дышала, царапалась, кусалась, а во время последнего оргазма даже разрыдалась. Такой она нравилась Сенкевичу гораздо больше.

Потом они долго лежали, не выпуская друг друга из объятий. Видимо, наложнице и это было в новинку – мужественные самураи вряд ли баловали своих женщин вниманием после близости. Она смотрела на господина, не отрываясь, взгляд ее был влюбленным и обожающим.

«Надо восстановить сексуальную справедливость в одном отдельно взятом гареме», – подумал Сенкевич и решил вызывать наложниц по очереди, дабы каждую осчастливить настоящим русским сексом.

Уже засыпая, он вспомнил лицо Камацу, которое видел в портале. Откуда там взялся японец? Или, возможно, портал вызывает галлюцинации? Но почему всегда появляются разные люди, которые изрекают одно и то же, требуя остановиться? Сенкевич задремал и во сне увидел картинку из прошлого. Только не своего. Из прошлого Тосицунэ.

Токугава Иэясу восседал на помосте, окруженный яркими расписными шелками. За спиной его расцветали розы и хризантемы, над головой реяли золотые драконы и чудесные птицы, рдел, разливаясь по серебряной воде, закат над морем. Черное одеяние сегуна и капризно-мрачное выражение на обрюзгшем лице резко контрастировали с этим великолепием.

Маэда Тосицунэ с остальными самураями стоял на коленях перед помостом, низко склонив голову. Сегодня был не обычный прием, сегуну вздумалось провести военный совет.

Тосицунэ, получив приказ явиться на него, ничуть не удивился. Всякий, кто хоть немного смыслил в политических интригах, понимал: близится новое сражение.

– Мы возмущены, – произнес Иэясу. Голос у него был неожиданно тонким для такого массивного тела. – Случилось предательство. Не так давно монахи из храма Эдо прислали письмо. Они осмотрели храмовый колокол, отлитый по заказу Тоетоми Хидэери. В надписи на нем зашифровано проклятие роду Токугава. И когда колокол звонит, этим возносится молитва богам о гибели и несчастьях нашему роду.

Тосицунэ еще ниже склонил голову, сохраняя на лице невозмутимое выражение, как и подобает истинному самураю. Мысли же его вовсе не были такими безмятежными. «Интересно, – думал он, – есть ли в этой комнате хоть один человек, который поверил в заговор Тоетоми против Токугава?»

Тоетоми Хидэери был порядочным человеком, в противоположность Иэясу с брезгливостью относился к интригам и предательствам. Переговоры он вел честно, врагу противостоял открыто, друзьям был верен. Хидэери не стал бы пользоваться заговорами и проклятиями. Он бы просто объявил войну.

Отец Хидэери был первым правителем Японии, которую после долгих войн объединил из пяти враждующих провинций. Он очень многое сделал для страны, однако не удержал власть. И этому способствовали происки Токугава, который тогда был лишь одним из регентов в отдаленной провинции.

В общем, теперь Тоетоми стал слаб по сравнению с Токугава, который для достижения цели не гнушался любыми средствами. Вот и сейчас он затевал очередную провокацию. Семья Тоетоми давно уже была камнем преткновения для Иэясу. Даже сейчас богатый род имел больше прав на власть, чем сам Токугава.

Двенадцать лет назад Иэясу решением самых влиятельных дайме был провозглашен сегуном. Его правление стало жестким и неоднозначным. С одной стороны, оно дало Японии новые, нужные законы и прекратило междоусобные войны между удельными князьями, просто потому, что все поняли: бороться за власть бесполезно, Иэясу не выпустит ее из рук. С другой – Токугава погрузил Японию в пучину страха перед сегунатом, в череду бесконечных интриг и доносительства. Через два года Иэясу объявил своего старшего сына Хидэтада наследником сегуна, давая понять всей стране: отныне титул перестает быть выборным, он станет передаваться по наследству.

Такое самоуправство возмутило семью Тоетоми. Теперь уже Хидэери, вслед за своим отцом, открыто заявлял о том, что сегунство должно быть выборным. Это дало бы Тоетоми хорошие шансы: в Японии его чтили и уважали.

Но все вокруг понимали: Токугава не успокоится, пока не уничтожит соперника. Сегун никогда не позволит власти уйти из семьи.

Поэтому обе семьи собирали вокруг себя вассалов, готовясь к битве. Только Тоетоми призывал людей восстановить справедливость в Японии, а Токугава дарил им земли, должности и титулы. Достаточно было посмотреть на численность войск, и становилось понятно, чья тактика более выигрышна.

– Господин, – в комнату вполз на коленях камердинер, подобрался к Иэясу, шепотом зачастил: – Посланник из Осака, Катагири Кацумото, смиренно просит вашей аудиенции.

– Тоетоми хотят признать свою вину? – усмехнулся сегун. – Отказать в приеме, выдворить из Эдо. Пусть передаст мои условия: семья Тоетоми должна отказаться от притязаний на власть и подписать об этом договор.

Камердинер выполз, самураи продолжали сидеть со склоненными головами. У всех была одна мысль: скоро война.

Дан

– Застава впереди! – каркнул тэнгу.

Дан достал из мешка цуко тэгато – подорожную грамоту, неторопливо подошел к стоявшему возле дороги приземистому зданию. Дверь-задвижка была открыта на всю ширину, позволяя видеть восседавшего внутри толстого чиновника. По обе стороны от входа стояли самураи.

Дан поднялся по ступеням, низко поклонился, протянул грамоту. Чиновник принял, пробежал взглядом, спросил сурово:

– Куда направляешься, Акира-сан?

– В деревню Омори, господин, – смиренно отвечал Дан. – Хочу поискать какую-нибудь работу.

Чиновник лениво кивнул и отпустил его.

В Омори Дан вошел ближе к вечеру, когда в окнах маленьких бедных домиков стали один за другим зажигаться огоньки. Как ему показалось с первого взгляда, вокруг все было спокойно – ни испуга, ни паники среди жителей.

– Таков удел ронина: радоваться чужой беде, ведь только она приносит заработок, – философски проскрипел Карасу. – Может, уже займешься главным делом, подумаешь о мести?

Злобный демон скучал по интригам и кровавым битвам, а то, что Токугава отправил воспитанника в изгнание, не давало ему покоя. Карасу ненавидел сегуна даже больше, чем сам Акира.

– А жрать мне что? – по-русски огрызнулся Дан.

Как ни странно, тэнгу его понял.

– Тогда зайди к старосте. Если сумеешь расположить его, может быть, он подскажет, на чем можно заработать.

Староста, человек лет сорока, сидел с трубкой на крыльце своего дома и угрюмо наблюдал за пожилой женщиной в залатанном кимоно, которая возилась в маленьком огородике. Дан подошел, представился. Несколько минут разговора убедили его: в деревне все спокойно, нечисть не появляется, меч ронина здесь никому не нужен.

– Тогда где у вас можно получить ночлег за малую плату, Кайоши-сан? – спросил он старосту.

Тот колебался, рассматривая мечи Акира, крупного ворона, сидевшего на его плече, потом будто хотел что-то сказать, но передумал. Решительно кивнул:

– Ты можешь переночевать в моем доме, Акира-сан. Здесь же получишь и ужин.

«С чего бы такая честь?» – подумалось Дану. Безработный нищий ронин – не самый желанный гость. А староста – большой человек в масштабах деревни. Однако не отказываться же от такого везения. Он поклонился.

Карасу, вопреки обыкновению, не улетел в лес, остался с Даном. Старушка накрыла в доме ужин: мисо, натто, по кусочку вареной рыбы. Староста ел без аппетита, взгляд его то и дело останавливался на пожилой женщине, которая сновала вокруг, но за стол не садилась. Наконец, когда старушка вышла из дома, Дан осторожно осведомился:

– Почему ваша матушка не ужинает с нами, Кайоши-сан?

Староста нахмурился:

– Я уже три года не вижу ее за столом.

Дан деликатно промолчал. Староста, вдруг решившись, торопливо заговорил:

– Она изменилась, стала злая, с нею случаются припадки бешенства. Иногда я ее боюсь, Акира-сан. Вот, – он поднял рукав кособэ, показал длинные шрамы на руке, от локтя до

кисти. – Она у меня одна осталась из всей семьи. Два года назад пропал отец, год назад – жена.

– Как же они пропали, Кайоши-сан? – тихо спросил Дан.

– Исчезли ночью, когда я спал, – вздохнул староста.

– Спроси, не было ли у него кошки, – невнятно проскрипел тэнгу прямо в ухо.

– Твой ворон как будто разговаривает с тобой, Акира-сан, – удивился староста.

– Он просто просит есть, – успокоил Дан и скормил Карасу пригоршню натто. – Скажи, Кайоши-сан, а у тебя есть кошка?

– Тоже пропала, – пригорюнился староста. – Три года назад. Ей было тринадцать лет, старая уже. Наверное, почуяла смерть и убежала…

В дом вошла старуха, Кайоши испуганно замолчал.

– Не спи сегодня, Акира, – предупредил тэнгу, когда Дану постелили в углу. – Думаю, ты все же сумеешь здесь заработать.

На улице стемнело. Староста, как все крестьяне, экономивший на жире для светильников, заканчивал день рано. Дан устроился на циновке, положив под правую руку катану, под левую поставив светильник. Карасу, нахохлившись, сидел у его изголовья. Кайоши, немного повздыхав, захрапел.

Внезапно заныла левая сторона груди. Дан потер больное место, ладонь ощутила кривой рубец шрама. Катана, вспомнил он, насквозь. Такой же шрам есть и на спине. Акира едва не погиб тогда, клинок прошел на пару сантиметров ниже сердца. Смутно припоминалось, что потом была тюрьма, долгое время он находился между жизнью и смертью. И если бы не Карасу, который принес из леса зелье, Акира не выкарабкался бы…

– Не о том думаешь, – прошипел тэнгу. – Хватит наглаживать шрамы и жалеть себя. Я тебя не для того спасал…

Из-за бумажной ширмы, где спала старуха, не доносилось ни звука. Усталость взяла свое, навалилась сонливость. Дан пытался с нею бороться, но веки сами собой смыкались, к каждой руке как будто была привязана гиря. Он сдался и стал задремывать.

Его разбудил сильный удар острого клюва. Дан насторожился, но ничего подозрительного не услышал. Осторожно, стараясь не производить шума, встал, зажег светильник, поднял повыше и увидел, что из-за ширмы выбирается старуха. Ступала она неслышно, двигалась гибко, как молодая. И вид у нее был странный. Глаза светились желтым, рот растянулся в оскале, показывая пасть, полную острых зубов, на руках выросли длинные когти. Заметив Дана, старуха зашипела, встала на четвереньки, выгнула спину… и превратилась в огромную кошку.

– Бакенэко! – каркнул тэнгу. – Бей, Акира!

Оборотень напружинился, с места прыгнул на Дана. Тот сделал шаг навстречу, полоснул клинком по брюху. Кошка завыла, упала на лапы и отползла в угол, оставляя за собой широкую кровавую полосу.

Проснулся староста, подскочил и с криком выбежал из дома.

– Добивай, Акира, – потребовал Карасу. – Рана скоро затянется!

Бакенэко собралась с силами, снова рванулась к Дану. Рана на брюхе уже не кровоточила. Он отступил в сторону, кошка промахнулась, ударилась об стену, но тут же подскочила и на задних лапах, как человек, пошла на Дана. Он нанес удар рядом с шеей и рассек тварь от плеча до бедра. Верхняя часть тела смачно шлепнулась на земляной пол, нижняя еще сделала по инерции несколько шагов и свалилась, подергивая лапами.

– Хороший кэса-гири, Акира-сан, – одобрил Карасу. Так он называл ученика только в знак особого уважения, обычно обходился просто именем. – А теперь отруби ей голову, иначе она снова оживет.

Действительно, отрубленные куски потихоньку подползали один к другому. Дан подошел к верхней половине твари и снес ей голову.

– Если кошку тринадцать лет кормят в одном и том же месте, она может превратиться в бакенэко, – тоном лектора завел Карасу. – Но только когда не любит хозяев. Видимо, старуха обижала ее, вот и…

– А где сама старуха? – перебил Дан.

Тэнгу прошелся по дому, время от времени останавливаясь и склоняя голову, как будто прислушивался к чему-то. Добрался до угла за ширмой, проговорил:

– Копать надо здесь. Полагаю, хозяин удивится находке.

– Ты хочешь сказать, оборотень сожрал ее? Но почему Кайоши ничего не слышал?

– Бакенэко наводит на людей сон, – пояснил тэнгу. – Если бы я не сторожил, ты бы тоже уснул, Акира.

Вокруг дома уже собрались крестьяне. Дан выглянул и позвал старосту. Увидев разрубленную кошку, Кайоши взвыл. Дан пересказал ему все, что узнал от Карасу, и указал, где надо копать. Несколько человек вскрыли земляной пол и вскоре принялись извлекать человеческие кости. Там же валялись обрывки одежды. Бакенэко сожрала мать, отца и жену старосты.

– Вы были бы следующим, Кайоши-сан, – сказал Дан. – А может быть, кошка пошла бы охотиться в другие дома.

Убитый горем, но благодарный за спасение староста собрал по соседям деньги. Получилось негусто, но на два дня прокорма хватало.

Дан поднялся рано утром, едва горизонт окрасился розовым. Распрощался с Кайоши, который продолжал оплакивать семью, и отправился дальше.

– Скоро доберемся до Эдо, Акира, – заметил тэнгу, сидевший у него на плече. – Осталось всего несколько дней. Пяток деревень на пути. Как будешь мстить за смерть господина? Как будешь выручать его дочь? У тебя есть план?

Пришлось сознаться: никакого плана нет.

– Ты глуп, Акира, – недовольно каркнул ворон.

– Раз такой умный, подскажи, – огрызнулся Дан.

– Но ты не видишь моих подсказок, – Карасу переступил с ноги на ногу, крепче вцепился когтями в ткань косодэ. – Ты слепой зрячий, Акира. А надо быть зрячим слепцом. Но все еще впереди…

Ворон расправил крылья и взлетел. «Ни слова в простоте, – раздраженно подумал Дан. – Вечно говорит загадками. Тоже еще, хранитель семейства, помощничек…»

Пользуясь памятью Акира, он попытался выработать план, но ничего не получалось. Одному ему сегуна не победить. Собрать самураев, служивших семье Тоетоми, – трудно. Троих соратников не хватит. Одно Дан знал точно: в первую очередь надо спасать Кумико. Лучший способ – выкупить ее из борделя. Только вот это очень дорого, а где взять столько денег? Он на еду себе еле зарабатывает. Тогда остается похищение, решил он. Прийти в публичный дом под видом клиента и забрать девушку. С этим он и один справится. В крайнем случае перебьет охранников, а возможно, достаточно будет их запугать.

– Река впереди! – сообщил Карасу, возвращаясь. – Готовь монеты лодочнику, Акира! Если поторопишься, ждать не придется.

Дан прибавил шагу, вскоре дорога привела к обрывистому берегу. Взглянув вниз, он увидел покачивающуюся на воде лодку, в которой сидел широкоплечий человек. Пожилой сутулый лодочник стоял на шатких мостках и отвязывал от колышка веревку.

– Подожди! – крикнул ему Дан. Он скатился по отвесному склону, подбежал к лодочнику: – Сколько возьмешь за переправу на другой берег?

– Две мон, – старик почесал в затылке. – Вдвоем уместитесь?

Дан снял с шеи шнурок, на котором болтались медные монеты с дыркой посередине, развязал, протянул лодочнику два кругляшка.

– Садитесь, господин, – поклонился старик.

Широкоплечий человек обернулся, и Дан узнал Миямото Мусаси.

– Вот и снова встретились, – ничуть не удивился воин. – Здравствуй, Акира-сан. Садись напротив.

Выглядел он более чем странно: лицо заспанное, недовольное, одежда помята, голова обмотана грязным полотенцем.

– Вы ранены, Мусаси-сэнсэй? – спросил Дан.

– Не найдется в мире бойца, который ранил бы меня, да еще и в голову, – мастер меча поморщился, поправил полотенце. – Я не выспался.

Лодочник наконец отвязал веревку, спустился с мостков, забрался в суденышко, оттолкнулся от берега веслом. Мусаси достал из кармана веревочки, принялся подвязывать рукава, сердито бормоча:

– А все этот Сасаки Кодзиро, чтоб ему провалиться! Слыхал о таком, Акира-сан?

Дан порылся в памяти: Кодзиро был молодым, но очень талантливым фехтовальщиком, который создал собственную технику цу-бамэ-гаэси – «Ласточкин заслон», моделью для нее послужило движение хвоста ласточки.

– Немного, – дипломатично ответил он.

Казалось, Мусаси не понравилось, что Кодзиро известен Дану.

– Этот наглый юнец вызвал меня на поединок, о чем прислал письмо, – фыркнул он. – Что тут поделать? Не терять же лицо. Пришлось отправляться в путь. Я шел два дня и две ночи, чтобы попасть сюда! Местом сражения назначен остров Бунтаро. Кстати, тебе, Акира-сан, придется сначала отправиться со мной туда, потому что я уже опаздываю. Ну да ничего, быстро управлюсь…

Мусаси огляделся, взял запасное весло, повертел его в руках, немного поразмыслил, спросил лодочника:

– Сколько хочешь за эту деревяшку, старик?

– Три мон, – невозмутимо ответил тот.

– Грабеж! Ну да ладно, сегодня у тебя удачный день.

Мастер меча швырнул на дно лодки три медные монеты, достал нож, принялся обстругивать весло, срезая лопасти.

– Зачем вам палка, Мусаси-сэнсэй? – осторожно поинтересовался Дан.

– Не марать же боевую катану о голову этого самозванца! – нахмурился Мусаси.

Дан уже заметил, что великий мастер меча эмоционален, как ребенок. Сейчас он явно злился, что не выспался из-за поединка.

– Я пришел поздно ночью, остановился в доме своего доброго знакомого. Только прилег отдохнуть, как меня принялись трясти. Видите ли, пришли господа, которые будут присутствовать на поединке. Они решили, что я испугался Кодзиро и собираюсь бежать! Я, Мусаси-Кэнсай[14], бежать от какого-то недоучки! – Воин злобно потряс головой. – Долго они не могли меня добудиться. Я убил двоих слуг, но все же пришлось вставать.

Окончательно превратив весло в дубину, он критически осмотрел свою работу, махнул рукой:

– Сойдет! – Зевнул, улегся на дно лодки. – Я еще посплю, Акира-сан. Не буди меня до острова, хорошо?

Дан согласился. После рассказанного у него и мысли бы не возникло потревожить мечника.

---

[14] Кэнсай – Святой меч, прозвище Миямото Мусаси.

Мусаси захрапел, а Дан, сам того не желая, погрузился в воспоминания Акира.

…По мосту один за другим шли обозы с мешками риса, свиными тушами, бочками масла – в замке Осака пополнялись запасы провизии на случай долгой осады.

Замок, стоявший в устье реки Едо, был самой неприступной крепостью Японии. Высокие толстые каменные стены, заключенные в два кольца глубоких каналов и рвов, выглядели надежными и нерушимыми. Снаружи их окружали внешние укрепления. К тому же замок был построен в святом месте – там, где стоял когда-то древний храм Исияма Хонгандзи. Говорили, сами боги защищают Осака от врагов.

Лишь южная сторона крепости, где стена была чуть ниже, а рвы чуть мельче, – могла быть уязвимой. Сейчас там круглые сутки стучали топоры, раздавались покрикивания каменщиков – это дайме Санада Юкимура, знаменитый полководец, знаток осадного искусства, верный вассал Тоетоми – возводил барбакан[15]. Строение выдавалось наружу и при необходимости могло вместить пять тысяч воинов.

Акира, служивший во внутренней охране Осака, стоял на стене, наблюдал за строительством. Зимний ветер бил в лицо, забирался под плащ, леденил тело. И на душе было холодно: все знали, война близко, это лишь вопрос времени. Кланы Тоетоми и Токугава тщательно готовились к сражению, и вся Япония притихла в ожидании.

Грядущие битвы не страшили Акира – самурай не распоряжается своей жизнью, берет ее взаймы у господина и войны. В любой миг он готов к смерти, встречает конец без грусти и сожаления.

Тревожило другое. Войско Токугава огромно, хитрость и подлость его бесконечны. Пусть неприступны стены Осака, а каждый воин готов сражаться за Тоетоми до последней капли крови – поможет ли это выстоять? Акира мучили сомнения, несвойственные самураю, и причиной была любовь. Он готов был погибнуть, но не желал такой участи Кумико. Однако в случае падения замка быстрая смерть для дочери Хидэери стала бы избавлением. Девушку могла ждать гораздо более ужасная судьба – пытки, издевательства, рабство, бесчестье, унижения. Разве можно допустить, чтобы нежный цветок был сломан и растоптан?..

Акира подставил лицо ледяному ветру, как будто хотел, чтобы он унес тяжелые мысли. Стиснув зубы, дал клятву…

По прикидкам Дана, прошло не меньше часа, когда впереди показался маленький островок. Лодка подошла достаточно близко, и он смог рассмотреть собравшуюся на берегу толпу – богато одетых самураев со слугами. Виновник плохого настроения Мусаси стоял возле воды, нетерпеливо ожидая, когда причалит лодка.

– Мусаси-сэнсэй, – осторожно произнес Дан. – Мы прибыли, пора вставать.

Днище заскребло по прибрежному песку. Мусаси вскочил, подхватил обструганное весло, спрыгнул в воду и побежал к берегу. Толпа с изумлением наблюдала за встрепанным гигантом, который, размахивая длинной палкой, несся на Кодзиро.

Знаменитый фехтовальщик сделал шаг назад и поклонился. Мусаси не стал останавливаться и отвечать на приветствие. Кодзиро обнажил меч, отбросил ножны.

– Правильно, они тебе уже не пригодятся! – прорычал на бегу Мусаси.

Он подскочил к Кодзиро, замахнулся дубиной совершенно по-крестьянски. Чтобы не получить удар, молодой фехтовальщик вынужден был первым сделать выпад. Мусаси легко, одним движением отразил атаку и шарахнул Кодзиро по голове. Тот упал, но неловко подвернул руку с катаной и напоролся животом на собственный меч. Клинок пронзил его насквозь, вышел из спины. Из-под тела вытекла и расплылась лужа крови.

Мусаси отступил от противника, который корчился, умирая, словно жук на булавке.

---

[15] Барбакан – внешнее укрепление перед замком, предназначенное для защиты при осаде.

– Теперь можно и поздороваться, – пробормотал великий мечник и отвесил онемевшей толпе вежливый поклон.

Он отшвырнул палку, выдернул из ножен оба меча и с торжествующим воплем прошелся по берегу в диком танце. Спустя несколько мгновений Мусаси уже бежал к лодке.

– Вот и все, Акира-сан. Надеюсь, я тебя не слишком задержал. Лодочник, правь на тот берег! Я еще посплю, Акира-сан. Не буди, когда соберешься уходить.

Великий воин улегся на дно и тут же богатырски захрапел.

– Какая деревня ближе всех на том берегу? – спросил Дан лодочника.

– Сато, – вздохнул тот. – Я там родился. Там было хорошо…

– Почему было? – насторожился Дан.

– В Сато уже год как повадилась Юки-Онна[16], – грустно ответил старик. – Прилетает каждые несколько недель, убивает юных девушек. Скоро в деревне останутся одни старики…

– Почему никто с ней до сих пор не разделался?

Лодочник посмотрел на Дана, как на сумасшедшего:

– Кому же по силам справиться с Юки-Онной? Разве что… – Он с надеждой взглянул на храпящего Мусаси.

«Ну вот и работа подвалила, – решил Дан. – А раз эта Юки-Онна такая страшная, можно взять за нее подороже. Может, хватит на посещение борделя, где содержат Кумико».

Лодка ткнулась носом в берег, Дан соскочил. Над бортом поднялась заспанная физиономия Мусаси. Мастер меча похлопал глазами и выдал:

– Никогда не испытывай грусти в разлуке, Акира-сан. – И снова рухнул, проваливаясь в сон.

[16] Юки-Онна – Снежная дева, злой персонаж японской мифологии.

Настя

Вода резко пахла благовониями и была нестерпимо горячей. «Как будто не в подстилки клиенту меня готовят, а собираются сварить для него борщ», – сердито думала Настя, сидя в бочке. По опыту пребывания в Равенсбурге ей было известно: если в Средневековье тебя начинают мыть – жди неприятностей.

Служанка аккуратно гладила ее какой-то загадочной штуковиной, заменявшей губку. Потом ее обтерли, уложили волосы в сложную прическу, начернили зубы, лицо замазали белилами, сверху нарисовали что-то вроде маски. Надели кимоно, обмотали поясом. Настя смотрела в зеркальце и ужасалась: «Неужели кому-нибудь приглянется такая невозможная красота?»

– Ты очень хороша, Кумико, – развеяла ее сомнения Тоши-сан. – Жди. Скоро господин Сакамото Митсуо войдет к тебе. Будь покорной, вежливой, Кумико. Постарайся понравиться господину Сакамото.

Настя уселась на циновку и тяжело задумалась. Память подсказала ей, что Сакамото – богатая самурайская семья. Видно, этот Митсуо неплохо заплатил за клубничку.

«Ты бы хоть сказала что-нибудь, – упрекнула она Кумико. – Нас сейчас трахать будут».

Девица хранила молчание. Настя вздохнула. Из-за бумажной двери, из общей комнаты, донеслось сладкое приветствие сводни, следом отрывистый мужской голос. Потом все стихло – очевидно, гость устраивался за столом. Вскоре появился вакасю[17], отпустил несколько сальных шуточек, потом затянул разухабистую песенку, изобилующую откровенной похабщиной. Никакой утонченности, никаких тебе гейш – здесь, пока гости пили сакэ, их развлекали мужчины в париках и женских одеяниях.

Настя вздохнула, прикидывая, сможет ли прикончить самурая и сбежать отсюда. По всему выходило, что нет. Кумико была еще слабосильнее Одиллии фон Гейкинг. Девушка с тоской вспомнила тренированное тело Жасмин: вот уж кто не дал бы себя в обиду – учитывая привычки охотницы, Сакамото стало бы просто нечем «обижать» гейшу.

За дверью вдруг раздался недовольный рык, отрывистый вопль, причитания Тоши, потом все стихло. Дверь отворилась, Настя приготовилась увидеть клиента. Но вошла старуха, прошептала:

– Господин Сакамото недоволен песней вакасю. Пока не хочет входить. Жди… – И убралась прочь.

Настя на цыпочках подкралась к бумажной задвижке, немного послушала, потом осторожно выглянула. В комнате не было никого, кроме пожилого самурая, сидевшего за низеньким столиком. Куском кротовой шкурки он оттирал катану. Неподалеку, в луже густеющей крови, валялся разрубленный до пояса вакасю. Сакамото Митсуо резко обернулся и уставился на девушку. Взгляд его немного смягчился, разгладилась суровая морщина между бровей.

Свежесть весеннего ветра с собою несет.
Сердце растаяло, —

вежливо произнес он, делая приглашающий жест.

Из соседней комнаты крысой выглянула Тоши. Делать нечего. Настя вышла, просеменила к столу, поклонилась и неожиданно для себя выдала:

[17] Вакасю – молодой актер, изображающий женщину..

Доброе слово ласкает душу
солнечным первым лучом.

«Ах да, – вспомнила она, – Кумико – девушка образованная и искусна в сложении хокку». Кажется, господину Сакамото ее ответ понравился.

– Присядь со мною, Кумико-сан, – предложил он.

Когда приглашает человек с окровавленной катаной в руке, отказываться неразумно. Настя опустилась рядом с Митсуо.

– Прости, Кумико-сан, за зрелище, не подходящее для прекрасных глаз, – учтиво кивнул самурай. – Но вакасю пел при мне непристойные песни. Я не люблю безвкусицы.

«Ишь ты, какой утонченный, – подумала Настя. – Можно подумать, не в публичный дом пришел девку поиметь, а в храм помолиться». Вслух же произнесла:

– Если Митсуо-сан будет угодно, я могу сыграть на сямисэне. Быть может, музыка уменьшит ваше недовольство.

Она и сплясать была готова, и на голове постоять, и монолог Гамлета прочесть – все, что угодно, лишь бы оттянуть момент уединения с самураем. Тот, казалось, пришел в доброе настроение.

– Буду счастлив насладиться твоим искусством, Кумико-сан.

Тоши, подслушивавшая разговор, подалась прочь, и вскоре слуга, согнувшись в три погибели, вынес инструмент с длинным грифом и прямоугольным корпусом. Поклонившись, подал его Насте, протянул деревянный бати[18].

Настя провела по шелковым струнам и заиграла. С ее точки зрения, получалось так себе – гитара звучала бы лучше. Но господин Сакамото заслушался, круглое желтое лицо приняло задумчиво-мечтательное выражение.

– Ты прекрасно музицируешь, Кумико-сан, – произнес он, когда Настя доиграла коута[19]. – Твои таланты поистине безграничны.

«Что бы ему еще предложить? – озадачилась Настя. – Чайную церемонию провести, что ли? Икебану сложить? Из чего только? Или, может, это… как его… оригами завернуть? Интересно, ему понравится бумажный носорог?..»

К счастью, самурай решил сам.

– Сыграй еще, Кумико-сан, – попросил он. – Мое сердце смягчается от волшебных звуков твоего сямисэна.

Настя и рада была стараться. Включила память Кумико, принялась играть одну мелодию за другой. По ее мнению, они не особо отличались, но господин Сакамото так, слава богу, не считал. Оказалось, недоделанная проститутка знает очень много мелодий. Митсуо так наслаждался музыкой, что служанка едва успевала подносить сакэ. Осторожно, на цыпочках, двое слуг подкрались к трупу незадачливого вакасю и утащили его прочь.

По прикидкам Насти, они провели вместе не меньше трех часов. В это время она то играла, то развлекала гостя изящной беседой, наполненной ей самой непонятными образами и тонкостями, то сочиняла хокку. Самурай вроде бы позабыл о предстоящем сексе, за который заплатил. Наконец он поднялся, пошатываясь, поклонился и произнес:

– Я был рад встрече и знакомству, Кумико-сан. Благодарю за гостеприимство. Увы, служебные обязанности заставляют меня покинуть этот дом. Но я непременно вернусь, и мы еще побеседуем.

---

[18] Бати – что-то вроде медиатора, которым играли на сямисэне.

[19] Коута – короткая песня, стиль игры на сямисэне.

Последнее обещание показалось Насте лишним – она бы с удовольствием распрощалась со стариком навсегда. Однако пришлось поклониться и ответить пространной любезностью.

– Благодарность за приятное времяпровождение, – господин Сакамото протянул небольшой позвякивающий мешочек из серого шелка.

Настя приняла его. Самурай вышел, стараясь ступать как можно тверже. Тоши, кланяясь на каждом шагу, побежала провожать гостя. Предвидя, что произойдет дальше, Настя запустила руку в кошель, выудила десять серебряных монет. Подумав, половину оставила, вторую, за неимением карманов, засунула в халу прически. Вернувшись, Тоши с удивлением произнесла:

– Господин даже не прикоснулся к тебе. Сначала я думала, ты ему не понравилась. Но он остался очень доволен. Сказал, обязательно придет еще.

В руке сводни позвякивал точно такой же шелковый кошелек.

– Что там у тебя? – старуха отобрала у Насти мешочек, заглянула. – То, что дают тебе гости, мое. Нужно же как-то окупать затраты. А тебя и продавать-то нельзя, пока господин Сакамото не взял свое.

Но, судя по плоской физиономии, которая так и норовила расплыться в улыбке, Тоши внакладе не осталась.

– Ступай в свою комнату. Повезло тебе. Будешь отдыхать, есть, спать и дожидаться клиента. Господин Сакамото сможет прийти только через неделю.

«На этот раз пронесло», – с облегчением подумала Настя. В комнате она смыла наконец осточертевшую косметику, уселась на постель в обнимку с сямисэном, поджала под себя ноги, легонько пощипывала струны. Томная грустная мелодия, лившаяся из-под бати, настраивала на задумчивый лад…

Кумико, закутавшись в меховой плащ, стояла в саду, наблюдая, как дрожит на голой сливе последний, чудом уцелевший сухой лист. На сердце было тяжело, в душе поселился мутный страх. Казалось, вместе с летом ушла из жизни вся радость и не вернется никогда, впереди – только бесконечная зима, холод, боль и горе.

Зашуршали палые листья под осторожными шагами. Кумико обернулась. Перед нею стоял молодой самурай из внутренней охраны замка. Сайто Акира. Сердце встрепенулось, забилось быстро, к горлу подступил комок. Как же он красив и смотрит так…

Акира порывисто опустился на колени:

– Госпожа…

Понурил голову, покорно ждал чего-то, будто жизнь свою ей вручал. У Кумико перехватило дыхание. Самурай склонялся все ниже, осторожно, двумя пальцами, коснулся самого краешка подола ее кимоно, припал благоговейным поцелуем. Она не знала, как поступить – замерла, глядя на его широкие плечи, черные густые волосы, стянутые в пучок на затылке. Вдруг Акира поднял глаза – взгляд его был беспомощным, ищущим и одновременно безумным. Мгновение они смотрели друг на друга. Ноги Кумико подгибались, хотелось броситься в объятия этого сильного, мужественного, но такого нежного человека.

– Клянусь тебе, Кумико-сан: я никому не дам тебя в обиду, – хрипло проговорил Акира.

– А если… – На глаза выступили слезы.

– Тогда я сам убью тебя. Клянусь…

Акира резко поднялся, быстро вышел из сада – не оборачиваясь, не задерживаясь, будто хотел убежать от своей такой безнадежной, такой отчаянной любви.

Ледяной северный ветер пронесся по саду, сорвал со сливы последний жухлый лист, швырнул на землю.

Глава 3

Жаворонок на заре.
Из-под рукава доспеха
Смотрит самурай.
Бусон

Сенкевич

Сенкевич прошел во внутренний двор самурайских нагая, которые располагались по периметру вокруг его дома. Здесь пахло дымом и едой, ее готовили на кострах прямо перед входом. Два самурая мыли в кадке овощи, третий придирчиво выбирал тофу у торговца-разносчика. В глубине двора несколько человек устроили тренировку – разбившись по парам, сражались на бокэнах.

Увидев дайме, воины низко поклонились. Сенкевич с трудом подавлял желание начальственно махнуть рукой, мол, не нужно, или просто рявкнуть: «Вольно!» Здесь такого не поняли бы.

Он важно прошествовал в барак. Длинное узкое помещение, с обеих сторон разделенное на маленькие клетушки, где вмещалась только постель, было темным и душным. Сенкевич подивился странному устройству японского общежития. В одном конце коридора располагался колодец, в другом – туалет. Дверь деревянного строения имела интересную конструкцию – скрывала только нижнюю часть кабинки. Так что сидящего внутри человека было видно до плеч. Сейчас там уютно устроился какой-то самурай, солидно кивавший проходящим мимо соседям. Увидев господина, торопливо выскочил и поклонился. «Хорошо, что тут не приняты рукопожатия», – хмыкнул про себя Сенкевич и пошел к выходу – больше здесь смотреть было не на что.

– Господин, позвольте обратиться к вам, – его догнал самурай, выскочивший из туалета.

Сенкевич обернулся. Немолодой уже мужчина низко опустил голову, поклонился.

– Позвольте обратиться к вам, господин. – повторил он. – Я прошу защиты и помощи.

Охранники, сопровождавшие дайме, взялись за мечи: похоже, такое поведение рядового воина здесь считалось наглостью. Сенкевич остановил их взглядом:

– Говори.

– Моя дочь Азуми, господин, – самурай говорил ровно и спокойно, но почему-то ощущалось, что от этого человека исходит отчаяние. – Ее приняли служанкой в замок Эдо. Три дня назад она пропала.

Сенкевич почувствовал печаль, сначала даже не понял, от чего. Но потом осознал: это были эмоции Тосицунэ, который два года назад потерял дочь. И ведь она тоже исчезла из замка Эдо…

– Чего ты хочешь? – строго спросил он.

Самурай еще ниже опустил голову, промолчал.

– Я не знаю, смогу ли тебе помочь, – честно ответил Сенкевич. – Но попробую узнать что-нибудь о твоей дочери.

– Благодарю, господин, – теперь самурай едва не утыкался носом в пол.

Сенкевич резко развернулся и вышел, печатая шаг. Свита потянулась за ним. Вернувшись в дом, он уселся в саду, закурил трубку и тяжело задумался, наблюдая, как синеватые кольца дыма медленно истаивают в теплом, напоенном ароматами цветов воздухе.

Сначала он решил разобраться с собственным положением. По всему выходило, застрял он здесь крепко. Так же, как Платонов с Настей. Для портала требуется мощный источник энергии и место силы. Положим, для богатого дайме выяснить, где происходили казни, мор, массовые смерти, – не проблема. Благо, в отличие от средневековой Европы, наука здесь не преследуется. Можно найти какого-нибудь ученого мужа – историка, философа, можно почитать хроники. Но где взять энергию для перемещения?

«Не переживай раньше времени, – одернул он себя. – В Равенсбурге тоже не было источников энергии, однако появился же. Будем надеяться, и здесь что-нибудь подвернется».

Насчет Платонова и Насти он не беспокоился. Опыт двух предыдущих путешествий во времени показал: их притягивает друг к другу. Значит, достаточно сидеть на месте, и вскоре фээсбэшники появятся сами. А пока надо просто найти место силы.

«Ладно, с этим, считай, решил. Теперь о насущном, – ему не давали покоя воспоминания Тосицунэ. – Потеря дочери… Может быть, стоит выяснить, что произошло с девушкой?»

Как всякий человек, увлекающийся магией, Сенкевич привык доверять интуиции. А она сейчас подсказывала: в истории с Харуми все непросто.

Возможно, здесь кроется ключ… к чему? Он не знал. Но ощущал, что тайна исчезновения девушки притягивает его.

Сенкевич порылся в памяти Тосицунэ. Замелькали картинки. Вот Маэда получает письмо от секретаря Токугава о том, что его дочери предоставляется честь служить фрейлиной в замке. Вот Харуми, юная и прелестная, узнает радостную новость. Она улыбается, смеется. Разговор Маэда с женой. Они встревожены…

Сенкевич остановился на этом воспоминании. Оказывается, в замке Эдо в прошлом году пропали три служанки. Считалось, что одна из них сбежала с ронином, вторая решила уйти от мира и попросила сегуна отпустить ее в буддистский монастырь. Третья якобы прогуливалась вдоль замкового рва, поскользнулась и утонула. Только вот ее тело так и не нашли. Как не обнаружили и следов двух других. Но их не особенно искали – что такое прислуга, девушки из неродовитых семей?

В памяти всплыла яркая сценка.

– Я беспокоюсь, Тосицунэ-сан, – сидя на краю постели, говорила красивая моложавая женщина, жена.

– Бояться нечего, Томико-сан, – увещевал самурай. – Что может грозить Харуми на женской половине, под защитой охраны, за толстыми стенами и двойным рвом Эдо?

– У меня плохое предчувствие, – пожаловалась Хино Томико.

– Женские слабости, – рассмеялся Тосицунэ. – Мы не можем отказать сегуну, ты же понимаешь. Он оказывает нашей семье большую честь.

Как полагается хорошей жене, Хино Томико кивнула и склонила голову в знак согласия с мужем.

– Иди сюда, – Маэда притянул жену к себе.

Томико послушно улеглась рядом, нежно улыбнулась. Лишь в глазах застыла невысказанная тревога…

…Чужое горе расстроило Сенкевича больше, чем он ожидал. Странное получалось взаимодействие с «объектом»: Тосицунэ никак не пытался отвоевать тело, но его чувства не давали покоя Сенкевичу.

«Покой и медитация», – решил он, встряхиваясь. Затянулся ароматным дымом из трубки, выдохнул, полностью расслабился. Смотрел, как колечки, поднимаясь и постепенно растягиваясь, меняли цвет от серого к синему, потом к голубому и, наконец, сиреневым облачком рассеивались, исчезая на фоне летнего неба. Вскоре мысленно и он оторвался от тела, воспарил в воздух вместе с этими колечками, взлетая все выше, выше.

Эдо под ним напоминал картинку с японской гравюры. Изогнутый залив, вдоль его берега – крошечные домики бедноты на окраинах, длинные бараки-нагая для нищих холостяков, ближе к центру дома побольше – жилища торговцев и, наконец, богатые, утопающие в цветах резиденции чиновников бакуфу, знатных самураев, дайме. Аккуратные храмы с пагодными крышами, игрушечные чайные заведения, где гейши принимали клиентов, лавки, рынки… И посреди всего этого – огромный замок сегуна.

Сенкевич внимательно всматривался вниз, искал признаки негативной энергии, место силы. Но не видел ничего, кроме дыма из очагов и висящих над городом странных облаков, окрашенных в нежные пастельные цвета.

«По крайней мере, я снова могу полноценно медитировать, – подумал он, возвращаясь в тело. – Значит, экстрасенсорные способности остались при мне».

Дан

Вот уже неделю он сидел в Сато, ожидая, когда появится Снежная дева. За это время выудил из памяти Акира все, что касалось Юки-Онны. Считалось, что эта прекрасная молодая женщина в белых одеждах, олицетворяющая смерть, появляется лишь зимой, во время сильной снежной бури. Она любит подкарауливать на безлюдных дорогах и в лесу одиноких заблудившихся путников, дарить им ледяной поцелуй, высасывая из несчастных жизнь. Поэтому в народе все, кто замерз зимой, считаются жертвами Юки-Онны.

Почему Снежная дева, в нарушение всех традиций, вдруг стала приходить круглый год, да еще и прямо в деревню, Дан понять не мог. Он опросил крестьян. Все, кто потерял дочерей, твердили одно и то же:

– Красивая женщина в белой одежде вошла ночью в наш дом. Мы не могли двинуться, словно нас сковало морозом, а потом уснули. Когда очнулись, дочь уже была мертва.

По словам людей, девушек находили бледными, будто обескровленными, с застывшими лицами, побелевшими губами.

За сорок канн Дан подрядился защищать деревню от Снежной девы. Но оплата ему полагалась, если он сумеет убить Юки-Онну. Пока же его лишь кормили за счет деревни и предоставляли ночлег.

Днем Дан с тэнгу, чтобы не терять времени зря, уходили в лес и устраивали на просторной поляне тренировки. Карасу принимал демоническое обличье, материализовывал из воздуха мечи и нещадно гонял ученика. Дану, как он ни старался, ни разу не удалось победить наставника. Тот вечно оказывался недоволен, ворчал:

– Нападай, Акира! Что ты как вареная рыба с ногами? Ты не сумел как следует отразить удар, в поединке был бы уже убит.

Злоехидный тэнгу не учитывал, что скорость движений у него была как минимум в два раза выше, чем у любого человека.

Вот и сегодня, вогнав Дана в пот, он сердито хмыкнул и сказал:

– Хватит пока. Отдыхай, благородная девица с катаной…

Дан уже привык не обращать внимания на ругань учителя, тем более что понимал: Акира – очень искусный воин, а подобными остротами Карасу пытается стимулировать подопечного. Он уселся на краю поляны, прислонившись спиной к стволу дерева, хлебнул воды из высушенной тыквы.

Тэнгу не спешил обращаться в ворона. Насторожился, прислушиваясь к звукам леса, потом повел носом и произнес:

– Сегодня что-то случится, чую… смерть.

– Думаешь, Снежная дева придет?

– Если это настоящая Юки-Онна, – демон пожал могучими плечами. – А не какой-нибудь жалкий призрак.

– Лучше бы Юки-Онна, – сказал Дан. – За призрака столько не заплатят.

– Ты глуп, как это дерево, Акира! – вспылил тэнгу. – Ты должен молиться, чтобы это оказался призрак. Убьешь его и скажешь крестьянам, что это Юки-Онна. А с истинной Снежной девой ни одному человеку не справиться.

– Даже Мусаси? – Дан припомнил слова лодочника.

Карасу задумался:

– Мусаси, возможно, и сумел бы. Но ведь он не совсем человек.

– Кто же он?

– Не знаю. Его тайна сокрыта от меня. Скажу одно: запоминай все, что он скажет тебе. Вы еще встретитесь.

– Ладно, – Дан поднялся. – Раз ты что-то чувствуешь, пошли в деревню.

Он остановился в доме крестьянина, у которого была дочь, считавшаяся самой красивой из выживших. С точки зрения Дана, девица была откровенно страшненькой, но, может, лучших Снежная дева уже перебила? Приходилось полагаться на ее вкус.

Наступил вечер. В деревне укладывались с темнотой. Дан лежал в углу, держа руку на катане, и напряженно вслушивался в ночь, густо наполненную стрекотом цикад. Тэнгу устроился в изголовье постели, нахохлился и, казалось, дремал.

Вдруг Дану показалось, что в доме похолодало. Воздух сделался сухим и будто колол щеки. Стало трудно дышать, по телу пробежала дрожь. Карасу тревожно переступил с лапы на лапу.

Темнота теперь уже не была такой абсолютной, из дверной щели пробивался мертвенно-белый свет. Он вкрадчиво проникал в дом, заливал порог, двигался, как живой, пятнами расползался по полу и стенам. Смолкли цикады, наступила полная тишина – не было слышно даже, как дышат хозяева. Да что там, и собственного дыхания Дан не улавливал. На него напало странное равнодушие. Тело сковало оцепенение. Он попытался пошевелить рукой, но не смог – ладонь больше не ощущала рукояти катаны.

Внезапно мощный порыв ветра распахнул дверь, впустив ледяной воздух и клубы снежной пыли. За стенами хижины наступила зима.

Снежинки закружились по дому, скручиваясь в вихрь, из которого медленно проступала высокая светлая фигура. Наконец она сформировалась полностью, и Дан увидел красивую женщину. Нежное белое лицо со строгими чертами, льдистые прозрачные глаза, развевающиеся на ветру серебристые волосы и свободное одеяние, как будто сотканное из снега.

Не касаясь ногами пола, Юки-Онна медленно подплыла к Дану. Он был не в силах двинуться, лишь неотрывно смотрел на это прекрасное, но пугающее существо. Их взгляды встретились, и Дану показалось, что в глазах Снежной девы застыла бесконечная тоска. Женщина провела над ним рукой, обдав невыносимым холодом, и проплыла дальше, к постелям хозяев.

«Убьет сейчас девчонку!» – подумал Дан, пытаясь сбросить оцепенение. Ничего не выходило: он не ощущал своего тела. Вдруг над ухом раздалось громкое карканье, следом Дан почувствовал боль: тэнгу опять долбанул его клювом по лбу. Это волшебным образом избавило от паралича. Дан подхватил катану, вскочил, в два прыжка настиг склонившуюся над девушкой Юки-Онну, рубанул по плечу.

Лезвие прошло сквозь тело Снежной девы, не встретив никакого сопротивления. Женщина исчезла, на ее месте закрутился снежный вихрь, но через мгновение Юки-Онна опять стояла перед Даном, теперь уже лицом к лицу. Он ожидал ярости, злобного визга, но взгляд Девы был скорбным, уголки губ печально опущены. Взвились белые одеяния, Дан упал, охваченный новым приступом слабости. Юки-Онна распростерлась в воздухе, широко раскинув руки, почти легла на него.

«Ты красивый, я не хочу тебя убивать, – прошелестел в сознании призрачный голос. – Не мешай…»

Губ коснулся ледяной поцелуй, от которого перехватило дыхание. Снежная дева изогнулась, метнулась к постели девушки, но дорогу ей заступил краснолицый здоровяк с веером – Карасу принял демоническое обличье. Юки-Онна взмахнула руками – с ладоней сорвались ледяные иглы, впились в шелк веера. Тэнгу зарычал, оскалился, прыгнул на Снежную деву, но схватил лишь облачко холодного тумана.

Юки-Онна появилась в дальнем углу, завизжала на одной пронзительной ноте. Голос ее напоминал вой вьюги. По дому пронесся ураган, сбил Карасу с ног. Демон тут же вскочил, выставил перед собой веер – ветер разбился о тонкую, почти невесомую преграду.

Лицо Девы исказилось, превращаясь в маску бешенства.

– Я не хочу тебя убивать! – провыла она, обрушивая на тэнгу поток снежной крупы.

Крошечные льдинки рассекали красную кожу, впивались в нее, с шипением испарялись с горячей плоти демона. Карасу широко распялил рот, с ревом выдохнул – к Юки-Онне устремился столб пламени. Дева легко ускользнула в сторону, огонь охватил стену дома. Но с потолка поползли морозные узоры, потушили пламя.

Все время, пока длился поединок нечисти, Дан лежал на земляном полу, не в силах пошевелиться, и только молил неведомых японских богов, чтобы этот кошмар закончился.

Юки-Онна выставила ладонь перед собой, дунула на нее – на руке стремительно выросла огромная сосулька. Дева размахнулась и швырнула ее в Карасу. Тот загородился веером, но ледяное копье легко пронзило шелк, ударило демона в грудь. Тэнгу со стоном рухнул возле Дана. Издав победный вой, Юки-Онна подлетела к постели девушки, приникла к ее лицу. Несколько мгновений, и Снежная дева растаяла в воздухе. Вместе с нею исчезли холод, ветер, белый свет и горы снега.

Дан почувствовал, как паралич постепенно отступает. Он подполз к девушке, которая неподвижно лежала на спине. Поднес ладонь к ее рту, не ощутил дыхания, попытался нащупать биение пульса на шее – его не было.

– Не мучайся, Акира, – простонал из темноты Карасу. – Она мертва.

Действительно, тело девушки было холодным и твердым, как будто несколько дней пролежало на морозе. Казалось, подними, кинь на пол – и она разобьется на мелкие кусочки.

В распахнутую дверь вползали первые лучи утреннего солнца.

– Дочка! Дочка! – заплакала, приходя в себя, пожилая женщина.

Она обхватила девушку обеими руками, пытаясь отогреть своим теплом, гладила покрытое инеем лицо. Отец, усевшись на постели, не отрываясь, смотрел на Дана. В глазах его были ненависть и укоризна.

Тэнгу снова обратился в ворона, прихрамывая, подковылял к Дану.

– Идем отсюда, Акира, – хрипло каркнул он. – А то сейчас деревня проснется, и тебя отсюда погонят камнями. Хорошо, если не забьют насмерть.

Дан встал, поклонился хозяевам, тихо произнес:

– Простите, – подхватил катану, мешок и вышел из хижины.

Было невыносимо стыдно и больно. «Я не смог выполнить обещание, – думал он. – Опять не смог. Я снова обесчестил себя, потерял лицо. Я должен за это заплатить жизнью». Жизнью?.. Дан остановился, потряс головой: это были не его мысли. Конечно, совесть его мучила, и это было знакомое ощущение: такое он всегда испытывал, когда по службе сталкивался с жестоким преступлением. Переживал, что не сумел спасти, помочь, предотвратить. Но вот о суициде никогда не думал. А уж мучиться из-за нарушения ронином клятвы убить Кумико, если она попадет в руки врагов, Дан тем более не собирался. Не прирезал – и отлично, зато для Насти нашелся объект.

– Хватит терзаться, Акира! – будто подслушав его мысли, каркнул тэнгу. – Знаю я вас, самураев. Сейчас настрадаешься и побежишь выпускать себе кишки. Предупреждал же: человек не может победить Юки-Онну. Даже не всякий демон может. Я вот не сумел. Скажи спасибо, что остались живы.

– Что она такое?

– Одна из самых могущественных демонов. Помощница смерти.

– А есть кто-нибудь сильнее ее?

– Да, но мало. И я не хочу произносить вслух их имена, – нахохлился Карасу. – Лучше скажи: куда теперь?

Дан неопределенно махнул рукой:

– Дальше. Пока не придем в следующую деревню.

Настя

Целых три дня она провела в блаженном бездействии. Отсыпалась, отъедалась впрок – благо, сводня на содержании дорогой куртизанки не экономила. Бренчала на сямисэне, придумывала впрок хокку и танку для господина Сакамото.

Настя в первое время пыталась разговорить Кумико, но девица хранила молчание, хотя присутствие ее сознания ощущалось. В конце концов Настя плюнула на это занятие – главное, что память японки была в ее полном распоряжении. А еще имелись подаренные Сакамото серебряные монеты, перепрятанные из прически под циновку. С ними Настя чувствовала себя немного увереннее. Она решила, что сбежит до «дня икс», когда старый самурай снова придет за девственностью Кумико. Уберется прочь из города и, возможно, попросит приюта в одном из буддистских монастырей.

Однако этим планам не суждено было осуществиться. На четвертые сутки, в ночь которых Настя собиралась покинуть бордель, Тоши сообщила:

– Господин Сакамото прислал гонца. Он будет сегодня.

Вокруг девушки тут же поднялась суета: ее принялись мыть, натирать ароматическими маслами, сооружать прическу, накладывать идиотский грим. Она ни на секунду не оставалась одна и мысленно распрощалась с мечтой о свободе.

Вечером явился господин Сакамото, и не один, а с компанией таких же важных, как он, пожилых самураев. Как было и в прошлый раз, уселся в гостевых покоях и сразу же потребовал туда Кумико. К радости Насти, старик не торопился уединиться с нею, попросил сыграть. Она долго щипала струны сямисэна, извлекая из них печальные мелодии. Гости слушали с вниманием, которому был бы рад любой маститый музыкант. В перерывах отпускали вежливые комплименты искусству Кумико. Она благодарила, отвечала изысканно-остроумно. Господин Сакамото выглядел чрезвычайно довольным, как будто хвалили его самого. «Впрочем, – подумала Настя, – так ведь и есть на самом деле: Кумико – его собственность».

По знаку старика к столу, подобострастно согнувшись, подошла Тоши.

– Почему же ты не представишь нам других девушек? – спросил господин Сакамото. – Мои друзья желают увидеть все прекрасные цветы твоего сада. Хочется знать, все ли они так образованны и искусны, как Кумико-сан.

Сводня привела остальных девиц. Видимо, успела предупредить, что посетители желают изысканности, и проститутки, которые не могли похвастаться умениями поддерживать беседу, все больше помалкивали, вежливо улыбаясь и кланяясь. Разгоряченные сакэ гости остались довольны и в конце концов растащили девушек по комнатам. Но безусловной звездой этого вечера была Настя.

Странно, но господин Сакамото и на этот раз воздержался от дефлорации Кумико. Поздно вечером он вежливо поклонился, снова вручил Насте мешочек с деньгами и ушел, на прощанье пообещав вернуться.

Слава о необычной куртизанке облетела город. Теперь каждый вечер гости отказывались от услуг вакасю и требовали, чтобы их развлекала Кумико. Настя чувствовала себя то ли тамадой, то ли аниматором. Она устраивала чайные церемонии, услаждала гостей томными разговорами, пела тоненьким голоском, играла на сямисэне, а однажды, по просьбе особо родовитого посетителя, даже сложила икебану из трех цветков хризантемы и какой-то кривой ветки, пристроив все это великолепие на плоскую медную тарелку. Самой ей произведение показалось невнятным веником, но гость был в восхищении: как поняла Настя, истинной красотой здесь считается благородная простота природы, а каждое растение что-то символизирует. Этот букет означал «радость сердца». Господин Огава, богатый самурай, заказавший икебану, бросал на Кумико пламенные взгляды. Однако пока ее девственность

щедро оплачивал Сакамото, бояться было нечего, и Настя продолжала блистать в японском полусвете.

Сам господин Сакамото приходил каждые два дня – то один, то в компании друзей. Всякий раз дарил деньги, говорил комплименты искусству Кумико и уходил, так и не притронувшись к девушке.

– Надо же, – Тоши удивленно качала головой, напоминая китайского болванчика. – Может, у него беда с нижней частью тела? Ну, однако нечего тебе зря сидеть. Будешь учить других девушек играть на сямисэне и беседовать с гостями.

Теперь Настя была занята еще и днем: ее комната превратилась в подобие класса для не очень благородных девиц. Одна мучила струны сямисэна, другая трудилась над оригами, третья репетировала изысканные жесты. А сама Настя с видом заправской классной дамы, прохаживалась между сидящими на полу проститутками, отпуская замечания и заодно читая лекцию об искусстве изящной беседы.

Она уже начинала надеяться, что все так или иначе обойдется. «Может, Сакамото и вправду страдает половым бессилием, – думала Настя. – Но кто сказал, что импотентам не нужно женское общество?..»

Бордель Тоши процветал. Теперь сюда не пускали рядовых самураев и мелких чиновников. Каждый вечер здесь собиралась местная аристократия. Сводня больше не нанимала вакасю и заменила нескольких проституток, подобрав более молодых, хорошеньких и сообразительных. Обученные Настей девушки развлекали гостей сначала беседой в общей комнате, затем в постели. В заведении царили изысканность и спокойствие.

Однажды господин Сакамото перед уходом вручил Насте не только мешочек с монетами, но и небольшую коробочку, обитую красным бархатом.

– Это знак моей любви, Кумико-сан, – сказал он. – Я заплатил за твою девственность, но не стану забирать ее, пока ты сама этого не захочешь. Ты прекрасна, как едва распустившийся цветок сакуры под утренним солнцем, и достойна поклонения. Позволь мне лишь любить тебя, восхищаться тобой, и, быть может, когда-нибудь ты ответишь мне взаимностью.

«А старик-то крепко залип», – подумала Настя, с поклоном принимая дар. Что ж, это было ей лишь на руку. Пусть восхищается, не жаль. А там она накопит достаточно денег, чтобы смыться отсюда.

– Открой же мой подарок, Кумико-сан, – улыбнулся Сакамото.

Настя откинула крышку коробочки и едва не заорала от неожиданности: в бархатном гнезде лежала свежеотрубленная фаланга пальца. Срез был окольцован золотом, на котором виднелись потеки запекшейся крови[20].

Память благонравной Кумико ничего не подсказала о таком странном подарочке. Усилием воли Настя сумела «сохранить лицо», растянула губы в сладкой улыбке и низко поклонилась. Покосившись на Сакамото, заметила, что мизинец его левой руки забинтован. Выходило, что чокнутый влюбленный самурай презентовал ей часть собственного пальца.

– Господин Сакамото оказал тебе большую честь, – прокомментировала Тоши, когда старик откланялся. – Ты же знаешь, это высший знак любви. Такие подарки редко кому делают.

«Еще бы, – думала Настя, убирая коробочку подальше. – На всех баб пальцев не напасешься». Что делать, когда подношение протухнет и завоняет, она пока еще не решила. Но слух о ценном презенте разошелся по борделю.

---

[20] Действительно, в средневековой Японии существовал обычай преподносить в дар возлюбленным фалангу пальца. Есть история о самурае, который был влюблен сразу в двух мальчиков и каждому подарил по фаланге мизинца. Гейши, как правило, действовали осторожнее: покупали фаланги у могильщиков. Ведь и правда: на всех пальцев не напасешься. Неизвестно только, как им удавалось долго скрывать от кавалеров целостность собственных пальцев.

– Ты сделаешь господину Сакамото ответный подарок? – спросила одна из ее учениц, смешливая пухленькая Реико.

– А что, нужно? – Настя в душе ужаснулась.

– Только если любишь, – хихикнула Реико, – или хочешь больше денег. Я вот пятерым уже подарила.

Настя взглянула на ее руки, но все фаланги были на месте.

– Ну нельзя же для каждого пальцы калечить, – рассудительно заметила вторая гейша, Шика. – Если нужно, только скажи, Кумико-сан. В Эдо есть могильщик, который недорого продаст свежую и подходящую фалангу.

– Забинтуешь пальчик, как будто он отрублен, и все, – подхватила Реико. – Но это будет означать, что ты готова к любви, Кумико-сан.

Настя поблагодарила товарок, но решила повременить с подобным сюрпризом для Сакамото.

Глава 4

Слушая строгий укор,
Опустила девушка голову,
Словно мак вечерней порой.
Кикаку

Сенкевич

Сенкевич в сопровождении слуг и охраны шел по длинному коридору замка Эдо. Двигался степенно, печатал шаг – самурай не может бегать, подобно простому крестьянину. Сегодня он должен был присутствовать на важном приеме у сегуна – высокопоставленные гости, политические переговоры, в конце – чайная церемония в знак дружбы и верности.

Только мысли Сенкевича были заняты отнюдь не хитроумной японской политикой. Он думал о девушках, исчезавших в Эдо. Сначала это были только служанки, но Харуми, дочь Тосицунэ, стала первой пропавшей из фрейлин. Сенкевич не знал, были ли другие.

Не то чтобы его беспокоили канувшие в безвестность девицы – хотя он все время ощущал душевную боль своего молчаливого соседа по телу. Дело было в другом. Сенкевич обдумывал интересную гипотезу. В каждой эпохе ему и его спутникам приходилось разгадывать какую-то тайну. И лишь когда она была раскрыта, появлялась возможность построить портал.

Что, если это время удерживает их? Что, если у каждого человека есть свое предназначение? Тогда получается: попав в чужие тела, вытеснив личности, они ломают ход истории уже одним своим присутствием. Пусть «объекты» и не великие люди, но их поступки могут влиять на общую картину в целом.

Тогда важно угадать, что именно должен сделать каждый из «объектов», завершить его путь и затем отправиться дальше. Поэтому Сенкевич внимательно прислушивался к чувствам Тосицунэ. Доминировала среди них боль, тоска по дочери, желание покарать убийцу. Похоже, Маэда мысленно уже похоронил девушку и теперь мечтал лишь о мести.

С точки зрения теории Сенкевича, личная месть не могла быть важна сама по себе. Но ведь исчезла не одна девушка. А значит, в замке или его окрестностях находится преступник. Возможно, его уничтожение и есть миссия Тосицунэ?

Сенкевич решил действовать. Только вот как? Исходных данных маловато. Он знал всего о пяти девушках – четыре служанки и Харуми. Сколько их исчезло на самом деле, еще предстояло выяснить. И по каждой провести расследование. Мало ли, может, и правда кто-нибудь из них сбежал.

Он прикидывал, у кого можно получить правдивые сведения и как тайком опросить людей в замке, чтобы это не дошло до сегуна. Здесь везде его шпионы, наушники и соглядатаи, доверять нельзя никому. Но со слугами поговорить необходимо. Только вот станут ли забитые, запуганные люди отвечать на вопросы?

Станут, решил он, если поработать с гипнозом. А для начала нужно восстановиться. В будущем, когда на него давила мощная солдафонская личность адмирала Гранта, Сенкевич утратил экстрасенсорные и магические способности. Не мог медитировать, не ощущал в себе сил, потерял интуицию. Да и эпоха не располагала к эзотерике – время высоких технологий, какая уж тут мистика… Зато в Равенсбурге XV века, пропитанном страхом, фанатичной верой и суевериями, он обрел невероятные возможности. Здесь ведь тоже Средневековье, а значит, и силы должны появиться. Ведь медитативный полет уже получился. Правда,

никаких признаков негатива над Эдо он не заметил. А значит, и нечисти здесь нет. И место силы не нашел…

«Спокойно, – остановил сам себя Сенкевич. – Не стоит делать поспешные выводы. Япония – страна загадочная, может, я еще недостаточно проникся атмосферой, чтобы разглядеть в городе зло».

Сенкевич не заметил, как дошел до большого зала, где должен был состояться прием. Здесь уже собрались несколько самураев из разных уголков Японии. Токугава укреплял связи Эдо с провинциями. Был тут и молодой, но уже прославленный в битвах Уэсуги Кагэкацу с Сикоку, и старик Фукусима Масонари, глава могущественного клана с Хонсю. От худощавого, изможденного Отани Есицугу бесстрашные самураи вежливо держались подальше – несчастный давно уже страдал проказой. Болезнь исказила его черты: нос утолщился, слившись в одну линию со лбом, щеки сделались одутловатыми. Это придавало лицу Есицугу сходство с львиной мордой, что выглядело одновременно величественно и отталкивающе. Сейчас у Отани, видимо, было обострение болезни – на неровной, воспаленной коже проступали капельки гноя, которые самурай то и дело промакивал шелковым платком.

На помост вышел Токугава, самураи опустились на колени, склонили головы. Началось утомительное действо: речь сегуна, вручение подношений, заверения в верности…

Все понимали: это лишь формальность, настоящие переговоры начнутся после чайной церемонии, когда сегун удалится и каждого гостя будут приглашать к нему на конфиденциальную беседу. А сейчас все старательно разыгрывали знакомую во всех деталях пьесу.

Пока дайме, один за другим, демонстрировали щедрость и верноподданнические чувства, Сенкевич инспектировал память Маэда.

Триста тысяч человек стояли у стен Осака. Токугава разбил лагерь у южной стены, которая, по словам лазутчиков, была самой уязвимой. Ледяные зимние ветры продували тонкие шатры, засыпали лагерь снежной крупой. Простые воины ночевали под открытым небом.

Однако Токугава не собирался долго стоять в ожидании. Второго декабря начался обстрел замка Осака. Пушки грохотали день и ночь, говорили даже, что канонада слышна была до самого Киото. Но ядра не наносили толстым стенам большого ущерба.

После первых суток обстрела Иэясу приказал штурмовать замок. К южным воротам и стенам подтащили осадные орудия – башни и тараны. Войско черной волной хлынуло на замок. Люди Тосицунэ находились в самом пекле – им поручено было взять стену. Маэда не прятался за спинами, вместе со своими самураями приставлял лестницы, карабкался вверх. Сверху на головы валились камни, лились кипящее масло и смола. Защитники Осака осыпали осаждающих дождем горящих стрел, отталкивали длинными рогатинами лестницы. Щиты не выдерживали, вокруг падали обожженные, обугленные воины.

Первая попытка штурма провалилась, войско Токугава откатилось назад с большими потерями. Но обстрел замка продолжался. Пушкари работали круглые сутки, падали от усталости рядом с лафетами, снаряды подвозились бесперебойно. Стены Осака покрылись уродливыми щербинами, грохот стоял такой, словно зимой разразилась гроза.

Еще четырежды люди Токугава шли на приступ и каждый раз вынуждены были отступить: Санада Юкимура, близкий друг Тоетоми, великий воин, которого Токугава так и не сумел переманить на свою сторону, искусно выстраивал контратаку.

Токугава делался все мрачнее. На военном совете соратники боялись вымолвить лишнее слово – так страшен был взгляд командующего. Поговаривали, что Иэясу подсылал шпионов к воротам замка, пытался подкупить стражу, предлагал огромные деньги, земли, титулы – никто не предал Тоетоми.

Войско стояло у стен Осака уже полтора месяца, и конца осаде не было видно. Ходили слухи, что позорное отступление близко. Но приближенные Токугава, в том числе и Маэда, в

это не верили: Иэясу был подобен змею. Оставалось только ждать, когда он противопоставит хитрость и жестокость силе и благородству Тоетоми…

Наступило время чая. Слуги-мужчины внесли приборы – на такие важные собрания женщины не допускались. Столик поставили на помост перед Иэясу. Самураи собрались рядом, усевшись полукругом, но по-прежнему не поднимая глаз.

– Чаша дружбы! – провозгласил Токугава.

Он поднял чашку, пригубил, передал ее слуге. Тот сполз с помоста, торжественно вручил посудину сидевшему ближе всех Фукусима. Старик поклонился, отхлебнул, передал чашку следующему, слегка повернув ее, чтобы сосед не касался губами того же края.

Вторым оказался Есицугу. Когда он склонился над чашкой, на носу его повисла крупная капля слизи и упала в чай. Прокаженный, парализованный стыдом, замер, не решаясь передать чашку дальше. Сидевший возле него Уэсуги отвернулся, пытаясь скрыть брезгливость.

Сенкевич, который должен был пить последним, вдруг неожиданно для себя громко произнес:

– Простите, господа, что не дожидаюсь своей очереди, но меня мучает жажда. – Он протянул руку, взял чашку у оторопевшего Есицугу, осушил ее залпом, выдохнул, добавил: – Надеюсь, это был не последний чай.

Слуга подхватил чашку, унес ее, наполнил другую, чистую. Лица самураев остались невозмутимыми, но, кажется, все испытали облегчение. Сенкевич же по взгляду Есицугу понял, что приобрел верного друга на всю жизнь. «Вот так заключаются союзы», – мысленно произнес он.

В конце концов, Сенкевич не собирался задерживаться в этом теле, а к болезням привык. Проказа немногим хуже туберкулеза и уж точно лучше инопланетного паразита. Не факт даже, что он заразится.

Сегун удалился в свои покои, самураи потянулись к выходу. Поравнявшись с Сенкевичем, Есицугу тихо произнес:

– Моя благодарность не имеет предела, Тосицунэ-сан. Я запомню это на всю жизнь.

Сенкевич молча поклонился.

Аудиенции у сегуна ему не полагалось, потому он взял катану из рук слуги, вышел в замковый двор, приказал охране держаться поодаль, а сам принялся прогуливаться между деревьями и цветниками, посматривая на сновавших вокруг служанок. Улучил момент, перехватил одну из женщин, которая несла стопку чистых полотенец. Оказавшись в руках грозного самурая, служанка задрожала. В замке сегуна не приняты были шашни с прислугой.

– Не бойся, – как можно ласковее произнес Сенкевич. – Как тебя зовут?

– Сузу, господин, – едва слышно шепнула она.

– Смотри сюда, Сузу, – Сенкевич поднял к ее глазам круглый золотой амулет на цепочке.

Девушка послушно уставилась на блестящую вещицу, от которой отражались солнечные лучи.

– Твои веки тяжелеют, Сузу… – привычно завел Сенкевич.

Вскоре взгляд девушки сделался бессмысленным, на лице застыло выражение тупой покорности.

– Отвечай на мои вопросы, Сузу. Скажи, часто ли пропадают в замке девушки?

– В последний раз двадцать дней назад, в ночь полной луны.

– Кто она была?

– Она служила на кухне, ее звали Юкико…

– Ее искали?

– Да, господин. Нам сказали, что она сбежала с бродячими музыкантами.

«Что-то часто у них девки сбегают, – подумал Сенкевич. – А не должны бы. Служба при замке сегуна хоть и нелегкая, но дает возможность прокормиться. Многие ли променяют спокойную, сытую жизнь на полуголодное существование в компании бродяг?»

Он продолжал допрашивать служанку. Выяснил, что девушки «сбегают» и «тонут» примерно раз в месяц. Чаще товарки Сузу, но случается, что исчезают и фрейлины. Причем бесследно. Ни одну из пропавших не сумели отыскать, тел тоже никто не видел.

– Ты свободна, Сузу. Когда проснешься, ничего не вспомнишь, – наконец произнес он и щелкнул пальцами.

Служанка взглянула на него осмысленно, ахнула, упала на колени:

– Простите, господин, что толкнула вас! Я такая неловкая!

– Ничего, – великодушно извинил Сенкевич, бросая ей серебряную монету. – Ступай.

Дан

Уже неделю он брел то по пыльным дорогам, то по лесным тропам в поисках деревни, где понадобились бы услуги наемного бойца. Но отовсюду его чуть ли не прогоняли, даже отказывали в ночлеге. Крестьяне вели себя странно. При первой же попытке расспросить замыкались, объявляли, что у них все хорошо, слава великодушию и защите всемогущего сегуна Токугава. Только вот лица при этом у них были испуганные, а в глазах таилась безысходность.

– Терпи, Акира, – поучал тэнгу. – До Эдо осталось совсем немного.

Но деньги закончились, покупать еду было не на что. Дан уже три дня пробавлялся только рыбой из речек, которую ловко вылавливал для него Карасу, и побегами молодого бамбука.

Наконец, ему повезло. В деревне Яехара староста был не из пугливых, согласился оставить Дана на ночлег и даже пригласил на ужин. Ничего особенного в похлебке и печеном батате, конечно, не было, но Дан слегка осоловел от горячей пищи. Потянуло в сон. Однако следовало отблагодарить гостеприимного хозяина хотя бы беседой. Расположившись на крыльце, завели неспешный разговор.

– Расскажи, что видел в пути, Акира-сан, – попросил староста, раскуривая трубку.

Дан, чтобы плавно подвести беседу к нужной теме, принялся красочно повествовать о своей победе над Онибабой и бакенэко. Про позорное поражение перед Снежной девой, конечно, умолчал.

Хозяин слушал внимательно, не перебивал, лишь задумчиво выпускал кольца дыма. Дан договорил и замолчал.

– Да, много нечисти развелось, – заметил староста. – Раньше такого не было. – В последние годы оборотни, демоны, призраки свободно разгуливают по земле, убивают людей.

Дан счел, что момент подходящий, осторожно спросил:

– А не беспокоит ли кто твою деревню, Ясуши-сан?

– Сейчас в любом месте беспокойно, – неопределенно ответил староста.

– Но в других деревнях мне говорили, что у них все тихо.

Ясуши усмехнулся, покусывая мундштук трубки.

– Разве ты не слышал о новом указе сегуна, Акира-сан?

Пришлось сознаться, что нет.

– Господин Токугава Иэясу, да славится его имя, да ниспошлют ему боги долгую жизнь, запретил жителям страны говорить о нечисти. А тем, кто нарушит указ и станет разносить лживые слухи, грозит тюрьма. Вот все и молчат.

– Но почему? – удивился Дан. – Ведь если нечисть есть, ее надо уничтожать, а не молчать о ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.